



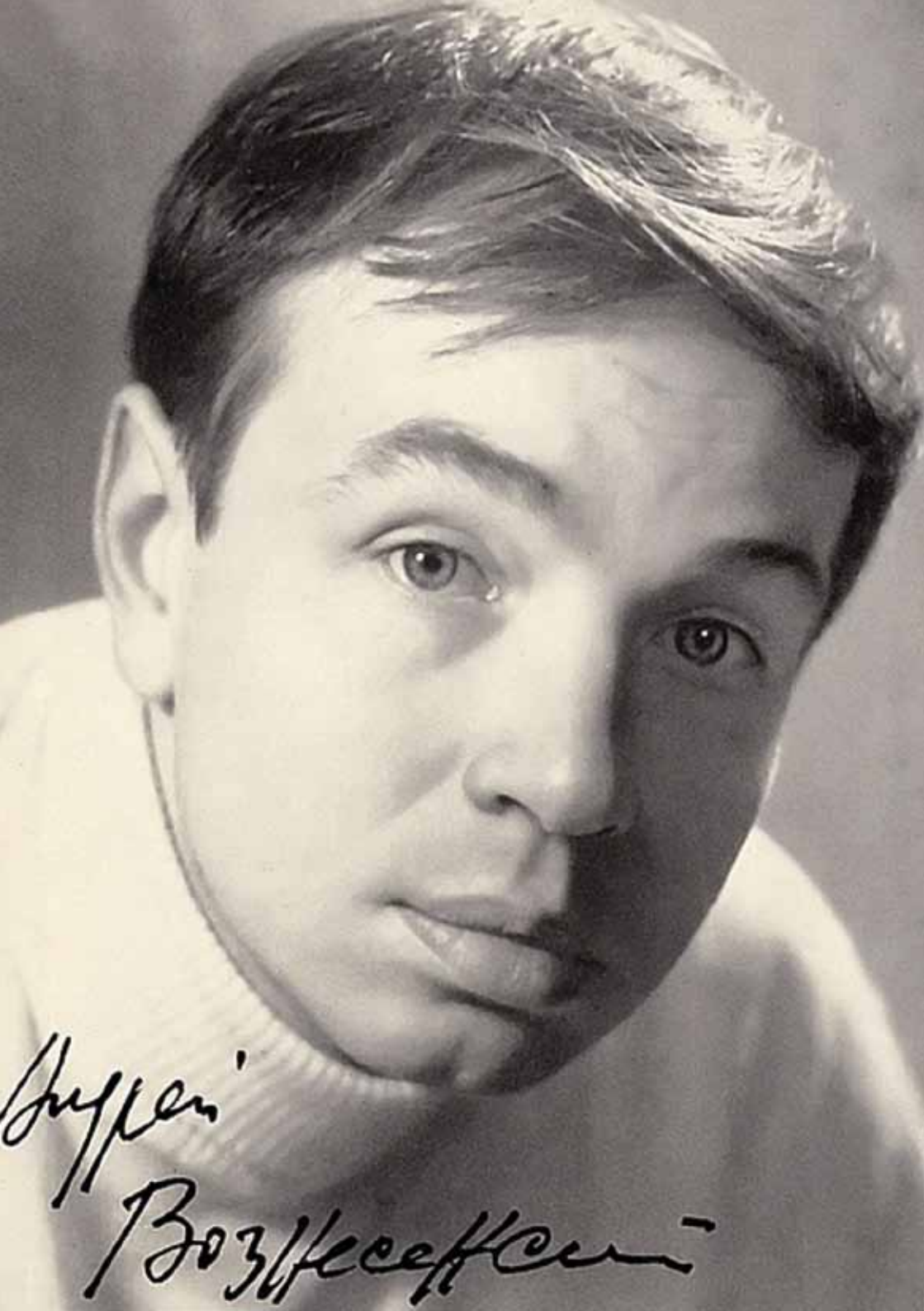
# РУССКИЕ В ГРУЗИИ



НИНА ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ

«ЛЮБИМАЯ МОЯ ГРУЗИЯ...»

АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ



Гуспен  
Бозкесекчи

БИБЛИОТЕКА МЕЖДУНАРОДНОГО КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО  
СОЮЗА «**РУССКИЙ КЛУБ**»

НИНА ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ  
«ЛЮБИМАЯ МОЯ ГРУЗИЯ...»  
АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Тбилиси  
2020

Русско-грузинские культурные взаимоотношения поистине являются историческим феноменом, не имеющим аналогов.

Россию и Грузию связывают 11 веков взаимного общения. Начало этих отношений восходит к X веку — в древнерусских летописях упоминаются Грузия и Тбилиси. В 1491 году были установлены дипломатические отношения. При Петре Первом на берегах речки Пресни заложена Грузинская слобода (в просторечье — «Грузины», ныне — Большая Грузинская). А с конца XVIII века, после заключения в 1783 году Георгиевского трактата, отношения между странами стали особо тесными и интенсивными.

На покровительство Грузия отвечала помощью и поддержкой — в том числе, культурной, духовной. Приют, пристанище здесь обретали многие великие русские — опальные и гонимые в России, в Грузии они всегда находили свободу, работу и почитание.

Серия «Русские в Грузии» — первый опыт систематизированного освещения богатейшей истории пребывания в Грузии выдающихся российских деятелей искусства, религии, науки, литературы, спорта, достойных благодарной памяти потомков.

Серия станет настоящей энциклопедией русско-грузинских взаимоотношений.

Проект направлен на популяризацию российского культурного наследия, возрождение интереса к России в Грузии и к Грузии в России, активизацию общественного диалога и культурного общения двух православных народов-соседей.

Издатель —

Международный культурно-просветительский Союз

**«Русский клуб»**

Руководитель проекта —

**НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ**

заслуженный деятель искусств РФ,

заслуженный артист РФ

© **Русский клуб. 2020**

ISBN 978-9941-8-2078-6

## «СЛУЖИ МОЛЕБЕН, САКАРТВЕЛО...»



Андрей Вознесенский ушел из жизни 1 июня 2010 года. Он скончался у себя дома в Переделкино. Ему было 77.

Скорбная весть донеслась до Грузии мгновенно...

Когда-то он писал о Борисе Пастернаке: «Паоло Яшвили, Тициан Табидзе и другие переводимые им мастера были ему братьями по поэтической крови. «Обнимемся, Паоло!» – это отзвук пушкинских пиров и пушкинского братства. Они обнялись в стихах. «И не кончаются объятия». И Грузия руками Иосифа Нонешвили, поэта поистине народной стихии, положила в день похорон цветы на гроб Пастернака». Вместе с Нонешвили проститься с Пастернаком пришел поэт Михаил Квливидзе...

Через 20 лет, в 1980 году, Андрей Вознесенский белыми розами попрощался с Иосифом Нонешвили, своим старшим братом и другом.

Еще через 30 лет, на могилу Вознесенского на Новодевичьем кладбище никто из его грузинских друзей не смог положить роз... Да и как это было сделать? После августа 2008

года границы были закрыты, а дипломатические отношения между Грузией и Россией прерваны. Страны разделил жесткий визовый режим.

Однако на уход поэта немедленно отозвались все газеты, все телеканалы, все интернет-источники Грузии. 3 июня 2010 года, накануне похорон поэта, в Тбилиси, в пресс-центре РИА Новости, прошла пресс-конференция, посвященная памяти Андрея Вознесенского. Своими воспоминаниями и размышлениями поделились главный редактор журнала «Литературная Грузия» Заза Абзианидзе, бывший посол Грузии в НАТО, ЕС и России Зураб Абашидзе, а также автор этих строк.

Президент Грузии Михаил Саакашвили направил письмо Зое Богуславской, вдове поэта: «Примите искренние соболезнования в связи с кончиной Андрея Вознесенского. Грузия всегда считала Вознесенского и его поэзию неотъемлемой частью своей культуры. Любовь поэта к грузинскому народу возвышала нас в собственных глазах. Своим

искусством он прочно связывал грузинский и русский народы... Вознесенский жил так, как должен жить настоящий русский интеллигент. Он всегда умел защитить свободу и свое творчество от любых попыток их ограничить. Он достиг того, о чем мечтает каждый поэт, – поднял русскую поэзию и русские формы стихосложения на новую ступень. Никто и никогда не писал так, как это делал Вознесенский. Грузия и грузинский народ навсегда сохраняют память о нем».

В Грузии, без преувеличения, прошла горькая лавина светлых воспоминаний. Они и стали нашими скорбными белыми розами, летящими из Тбилиси в Москву на холодном «виртуальном ветру» тех дней...

\*\*\*

Сакартвело избалована вниманием и любовью русских поэтов. Но Андрей Вознесенский стоит особняком. Он писал о Пастернаке: «Отношение к женщине у него было и мужским и юношеским одновременно. Такое же отношение у него было к Грузии». Так вот, отношение Вознесенского к Грузии было таким же.

Грузия не могла не откликнуться на смерть поэта. Потому что она прощалась не только с поэтом, коллегой, соратником. Она прощалась с другом и даже – родственником. Прапрадед Вознесенского, грузин, после Имеретинского восстания шестилетним мальчишкой был вывезен из Грузии в Россию в числе заложни-

ков. Во Владимире мальчика усыновила семья сельского священника, и он получил имя Андрея Полисадова. Впоследствии стал архимандритом, настоятелем Благовещенского муромского собора на Посаде, крупным ученым, реставратором. Получил церковную фамилию – Вознесенский

Прапрадед поэта (вот она, генетическая обусловленность!) занимался сравнительным стиховедением, искал общие корни в грузинских и русских словах, сам писал стихи. Именно в Муром, где Андрей Полисадов тогда служил архимандритом, при нашествии Наполеона из Москвы была эвакуирована древняя икона «Иверской Богоматери» и стала предметом забот предка Андрея Вознесенского.

«Во мне течет и грузинская кровь, – говорил поэт в интервью корреспонденту одесской газеты. – Жаль только, что здорово разбавленная».

Мы все давно почувствовали и поняли, что Вознесенского с Грузией связывало какое-то особое чувство. Он много путешествовал по нашей стране, изучал историю грузинского православия, памятники искусства, посвящал Грузии прекрасные строфы, переводил на русский язык стихи грузинских поэтов. Грузия стала для него не просто близкой страной – он называл ее своей второй родиной и всегда разделял с грузинами все их радости и горести.

Такое отношение не сыграешь, не симитируешь – оно может быть только настоящим.



**3. Церетели и А. Вознесенский у монумента «Дружба навеки».  
Москва. 1983 г.**





**Плита у монумента «Дружба навеки»**

В 1983 году, в день празднования 200-летия подписания Георгиевского трактата, на Тишинской площади Москвы (вплоть до XIX века там располагалась Грузинская слобода) был открыт монумент «Дружба навеки». Не будем в данный момент полемизировать о самом трактате. Круглая дата для грузина Церетели и русского Вознесенского стала поводом воздвигнуть памятник русско-грузинской дружбе. Оба совершенно искренне верили в то, что это дружба навеки. Посмеется ли над ними (да и над нами заодно) циничный потомок? Не знаю...

Монумент стал первой установленной в Москве работой Зураба Церетели. Архитектором выступил Андрей Вознесенский. Стелла составлена из слов «Мир», «Труд»,

«Единство», «Братство» на русском и грузинском языках и увенчана венком из винограда и пшеницы. У подножия – 15 медных свитков с цитатами из Руставели, Чавчавадзе, Пушкина, Лермонтова, Есенина, Пастернака... Некогда композиция была «парной»: вторая часть, названная «Узами дружбы», в 1981 году была установлена у въезда на Военно-Грузинскую дорогу. Огромный металлический позолоченный узел связывал два кольца, а внутри был подвешен металлический свиток с текстом Георгиевского трактата. Грузинский монумент постигла печальная участь – в 1991 году он был взорван по распоряжению первого президента Грузии З. Гамсахурдиа. Взорвать-то его взорвали, а стихи Вознесенского остались:



*Проезжий! Видя этот узел,  
глазами в небо устремясь,  
ты мысленно увидишь Грузии  
с Россией вековую связь...*

*Судьба народная и чаянья  
обнимутся в небесной сини,  
как эти кольца обручальные  
на дружбу Грузии с Россией.*

Да, Грузия занимала в жизни и сердце Андрея Вознесенского важное место. Порой – судьбоносное. Здесь он находил приют в дни гонений, заработок в дни безденежья, дружбу в дни одиночества. Сюда он приезжал и тогда, когда его «любимая Грузия, жертвенная страна» сама нуждалась в помощи и поддержке. Вспомните, поэт откликнулся на ужасные тбилисские события 9 апреля 1989 года пронзительными строками, которые написал уже 15 апреля! Не говоря о том, что скорбный молебен по страдающей Сакартвело был им написан на сороковой день после трагедии...

С первых и до последних дней творчества Вознесенский не переставал писать о Грузии...

За 30 лет до российско-грузинского конфликта поэт создал пророческое стихотворение. Оно, правда, не было посвящено Грузии, но Вознесенский напрямую предсказал горькую судьбу, которая постигла отношения России и Грузии, свидетелями чего мы, к несчастью, являемся:

*Почему два великих народа  
Холодеют на грани войны  
Под непрочным шатром  
  кислорода?  
Люди дружат, а страны – увы!*

За пять лет до ухода из жизни он пишет поэму «Возвратитесь в цветы». И мы читаем:

*Позабудутся узи.  
Останутся фрезии.  
Останется Грузия,  
как орган поэзии.*

Эта была любовь взаимная, бескорыстная, верная. Любовь навсегда. На веки вечные.

Склоним голову перед памятью Поэта, называвшего Грузию своей второй отчизной.

## «ВО МНЕ ТЕЧЕТ ГРУЗИНСКАЯ КРОВЬ...»



Первый сборник Андрея Вознесенского «Мозаика» (совсем тоненький) вышел во Владимирском издательстве. Цензура вырезала из готового тиража только одно стихотворение – «Прадед». Сделали вклейку. Но в оглавлении название осталось. Стихи описывали предка Вознесенского – Андрея Полисадова.

## ПРАДЕД

Ели – хмуры.  
 Щеки – розовы.  
 Мимо  
 Мурома  
 мчатся розвальни.  
 Везут из Грузии!  
 (Заложник царский.)  
 Юному узнику  
 горбиться  
 цаплей,  
 слушать про грузди,  
 про телочку яловую...  
 А в Грузии –  
 яблони...  
 (Яблонек завязь  
 гладит меня.  
 Чья это зависть  
 глядит на меня?!)  
 Где-то в России  
 в иных переменах,  
 очи расширяя,  
 юный монах  
 плачет и цепи нагрудные  
 гладит...  
 Это мой прадед.

Уже в 1957 году поэт начинает поиски своих родовых корней, ведущих в далекую Грузию. Итогом многолетних разысканий стала поэма «Андрей Полисадов», опубликованная в 1979 году в журнале «Новый мир» – Вознесенский таким образом отдал поэтическую дань своей неординарной родословной.

Сохранился послужной список Андрея Полисадова от 1889 года. После семинарии он женился и служил священником в селе Ши-

морское. Пять лет спустя жена его скончалась. Полисадов остался с маленькой дочкой Марией на руках. Он учительствовал, обучал крестьянских детей. В 1867 году постригся в монахи под именем Алексей. В 1882 году был утвержден настоятелем Благовещенского монастыря в Муроме, затем возведен в архимандриты и назначен благочинным Троицкого женского и Спасского монастырей. Скончался 8 апреля 1894 года.

«Мать моя помнила мою прабабку, дочь Полисадова, – читаем в очерке Вознесенского «Моя родословная». – Та была смуглая, властная, темноокая, со следами высокогорной красоты. «Прапрапрадед твой – Андрей Полисадов, – писала мне мама, – был настоятелем одного из муромских монастырей, какого, не помню. Бабушка говорила, что его еще мальчиком привезли как грузинского заложника, затем, кажется, он воспитывался в кадетском корпусе, а потом в семинарии. Когда дети Марии Андреевны приехали в Киржач, все говорили: «Грузины приехали». Помню, как, шуточно пикируясь с отцом, мать называла его «грузинский деспот». Приехав в Муром, опрашивая людей, разыскивая ускользящую нить, я чувствовал себя «а-ля Андроников», только речь шла не о ком-то чужом, пусть дорогом – поэте ли, историческом персонаже, – а речь шла о тебе, о твоём прошлом, о судьбе. Было кровное ощущение истории. Мне везло. Оказалось, что собор, в котором служил Полиса-

дов, – ныне действующий. В ограде я обнаружил чудом уцелевшее, не примеченное никем надгробье. На камне были имя Полисадова и дата смерти... Постепенно все прояснилось. Родился Андрей Полисадов в 1814 году. Списки высланных после Имеретинского восстания, подписанные Ермоловым, хранят имена репрессированных. В 1820 году был доставлен во Владимир и тут же усыновлен. Имя, которым нарекли мальчика, не было случайным. Святой Андрей считался покровителем Грузии и России. Проповедник Андрей Первозванный, сжимая в руке гвоздь от распятия, достиг Западной Грузии и распространил там христианство. Древний список «Картлис Цховреба», грузинская жемчужина, повествует, как он «перешел гору железного креста». Далее летописец прибавляет: «Есть сказание, что крест тот воздвигнут самим блаженным Андреем». О том же мы читаем в древнеславянском шедевре «Повесть временных лет»: «Въшед на горы сия, благослови я, постави крест...» По преданию, проповедник Андрей достиг Киева и Новгорода, распространяя христианство в России. Неслучайно синий крест андреевского флага осенял моря Империи... Андрей Полисадов был загадочной фигурой российской духовной жизни. Происхождение тяготело над ним. Будто какая-то тайная рука то возвышала его, то повергала в опалу... Он был отменно образован. Сохранились стихи Полисадова. Он оставил труд о местных речениях и обычаях, за кото-



**Муромский Благовещенский монастырь, где настоятелем был Андрей Полисадов**

рый был отмечен Академией наук. Его поразило сходство славянских слов с грузинскими – «птах» аукался с грузинским «пхта», «тьма» (то есть десять тысяч) отзывалось «тма», «лар» – «ларец»... Суздальская речушка Кза серебряно бежала от грузинского слова «гза», что означает «дорога». Зевая, муромцы крестили рты так же, как это делали имеретинские крестьяне.

А на второй день Пасхи на могилы здесь клали красные яйца – все возвращало к обычаям его края... Музыка была его отдохновением. В трехголосном древнеславянском песнопении слышалось ему эхо грузинских древних народных хоров. «И, может быть, – думалось ему, – полифонные ангелоподобные хоры донесли к нам не от греков, чье пенье унисонное, а от грузин, а к тем – от халдов?» ...Не без влияния Полисадова графская семья Уваровых, с которой он был

**Надгробие А. Полисадова (слева)  
на подворье монастыря в Муроме**



близок, увлеклась изучением археологии Кавказа... При приближении Наполеона знаменитая Иверская икона была перевезена в Муромский собор на Посаде. В память ее пребывания «каждогодно, 10-го сентября» происходил крестный ход от собора вокруг всего города. Иверская стала покровительницей Мурома. После возвращения в Москву в городе осталась живописная копия шедевра. Но откуда взялась сама Иверская? Икона была привезена в 1652 году в Россию из Иверского монастыря, основанного братьями Багратидами – Иоанном и Евсимеем – в конце X века. Живопись на ней грузинского письма. Вполне понятно, что грузинский заложник был послан служить грузинской святыне... У меня хватает юмора понимать, что по прошествии четырех поколений грузинская крупица во мне вряд ли значительна. Да и вообще не очень-то симпатичны мне любители высчитывать процентное содержание крови. Однако история эта привела меня к личности необычной, к человеку во времени. За это я судьбе благодарен... Муромский краевед Александр Золотарев вдруг извлек из архива Добрынкина, хранителем которого он являлся, рукописи, исписанные рукой Андрея Полисадова. Было отчего оцепенеть! Меня не оставляло ощущение, что в истории все закодировано и предопределено, не только в общих процессах, но и в отдельных особях, судьбах. Открывались скрытые от сознания связи. Опять

было физическое ощущение себя как капилляра огромного тела, называемого историей. Есть поэтика истории... Есть созвездие совпадений... И связи эти – не книжный начет, не кабалистика, не мистицизм, имя им – жизнь человечества».

Кстати, взгляд Андрея Вознесенского на взаимоотношения России и Грузии, высказанный им в поэме «Андрей Полисадов», некоторыми критиками был расценен (представьте себе!) как взгляд грузинского националиста. А все потому, что поэт создал образ Полисадова – грузина, ставшего жертвой имперской России, подавившей Имеретинское восстание. Один из странных критиков даже договорился до того, что назвал Вознесенского идейным предшественником З. Гамсахурдиа и М. Саакашвили и с возмущением привел слова поэта, сказанные в интервью корреспонденту харьковской газеты: «Когда русские захватывали Кавказ, сопротивляющиеся ушли в горы, а их детей насильно вывозили в Россию».

Лучшим ответом в данном случае могли бы стать слова самого Андрея Полисадова: «Тяжело рассказывать все бесчисленные клеветы, клеветы и гонения, тайно и явно воздвигнутые на человека. Человек дрожит над временем, как скупец над золотом, а необходимость защищать собственную честь заставляет писать объяснение на лукаво и бессовестно выдуманный донос... Бог с ним! Пусть бичует меня. Опомнится авось и сам. Конь бьет и задом, и передом, и дело идет своим чередом».



Родители поэта

## «Я — ПАМЯТНИК ОТЦУ»



Первое непосредственное знакомство поэта с Грузией состоялось благодаря его отцу. Андрей Николаевич Вознесенский (1903-1974) – инженер-гидротехник, доктор технических наук, профессор, директор Гидропроекта, Института водных проблем АН СССР, участник строительства Братской и Ингурской гидроэлектростанций.

Выпускник Ленинградского политеха, он занимался геологическими изысканиями и проектированием гидроэлектростанций. «Крупные гидроэлектростанции, «стройки коммунизма», проектировала и строила организация



**А. Вознесенский с отцом и сестрой**

НКВД во главе с генералом Жуком, – вспоминал Андрей Андреевич. – Отцовский институт, штатский, проектировал станции поменьше. Но я помню, как мы ездили с ним в Грузию на Ингури ГЭС. Помню, как отец опасался конкуренции могущественного Жука».

В тяжелые дни прощания с отцом Андрей Вознесенский первый раз в жизни написал письмо, как говорится, «на высочайшее имя» – он обратился к Л.И. Брежневу с просьбой

похоронить отца на Новодевичьем кладбище. Без личного разрешения Генерального секретаря сделать это было невозможно. Генсек подписал разрешение. Потом там обрели свой последний приют мама поэта, Антонина Сергеевна, и сам Андрей Андреевич.

Кстати, второе (и последнее) письмо, лично написанное Вознесенским главе государства, касалось празднования 100-летия со дня рождения Бориса Пастернака. В нем было сказано следующее: «10 февраля 1990 г. мир будет праздновать 100-летие Б. Пастернака. ЮНЕСКО отмечает эту дату. Время показало, что Б. Пастернак не только крупнейший поэт нашей страны, но и духовный полюс столетия. Этот юбилей будет свидетельством торжества нашей культуры, торжества правды, победы над темными силами, победы конкретной политики перестройки в культуре. В Москве должны собраться крупнейшие деятели культуры мира, среди них нет ни одного, кто бы не читал Пастернака. И наша страна, и Франция, и США, и Италия, впервые напечатавшая роман «Доктор Живаго», и Швеция, присудившая поэту премию, одинаково горячо откликнутся на это событие. Безусловно, празднование должно состояться в Большом театре — подобное случается раз в 100 лет. Кроме того, возникает масса проблем: например, Союз писателей СССР недостаточно обладает валютными средствами, чтобы принять такое количество светил мировой культуры... Ввиду срочности и духовной важно-





**Надгробие А. Вознесенского, его родителей и бабушки на Новодевичьем кладбище**

сти события обращаюсь к Вам за содействием. Заранее благодарный А. Вознесенский».

Истины ради, надо добавить, чтобы было еще одно послание на самый «верх» – во время гонений и опалы поэт надумал застрелиться и написал предсмертное письмо автору травли – Хрущеву. Но об этом – позже.

Спустя годы Андрею Андреевичу удалось поставить спроектированный им памятник на могиле родителей. Создавали его (бережно и точно по проекту) в мастерской Зураба Церетели. «Низкий поклон Зурабу, – писал благодарный Вознесенский. – Поклон Таризэлу, резчику гранита, Важе, мастерам, отлившим крест, шрифтовикам и рабочим, притащившим трехтонный шар на руках, без крана. Всем спасибо»...

## ПОДАРОК ПАСТЕРНАКА



Борис Пастернак подарил Андрею Вознесенскому Грузию.

«Грузинскую культуру я получил из его рук», – писал сам Андрей Андреевич.

Вам это кажется преувеличением или натяжкой? Отнюдь. Но обо всем по порядку.

Пастернак – особая статья для Вознесенского. Наверное, для него это был самый важный человек. Он называл Пастернака «присутствием Бога в нашей жизни».

Андрей был школьником, когда послал свои стихи Борису Пастернаку. Тот неожиданно откликнулся, и началась дружба. В семейном архиве Пастернака сохранились письма и юношеские стихи Вознесенского с пометками Бориса Леонидовича. Он даже завел для них особую папку, на которой написал: «Андрюшины стихи». В тбилисском Музее дружбы народов, который приобрел часть архива Пастернака, Вознесенский увидел свое письмо, посланное в 14 лет.

В воспоминаниях Андрея Вознесенского о Пастернаке слова «Грузия», «грузинский» звучат очень часто – настолько, насколько часто они звучали в их беседах. Вот, для примера, несколько абзацев из воспоминаний: «Он собирал материал для романа о Грузии с героиней Ниной,





**Фотопортрет Б. Пастернака, выполненный школьником А. Вознесенским**

периода первых христиан, когда поклонение богу Луны органически переходило в обряды новой культуры. Как чувственны и природны грузинские обряды! По преданию, святая Нина, чтобы изготовить первый крест, сложила крест-накрест две виноградные лозы и перевязала их

своими длинными срезанными волосами. В нем самом пантеистическая культура ранней поры переходила в строгую духовность поздней культуры. Как и в жизни, эти две культуры соседствовали в нем. В его переписке с грузинской школьницей Чукой, дочкой Ладо Гудиашвили, просвечи-

вает влюбленность, близость и доверие к ее миру. До сих пор в мастерской Гудиашвили под стеклом, как реликвия в музее, поблескивает золотая кофейная чашечка, которой касались губы поэта. Он любил эти увешанные холстами залы с багратионовским паркетом, где высокий белоголовый художник, невесомый, как сноп света, бродил от картины к картине. Холсты освещались, когда он проходил. Он скользил по ним, как улыбка. Выполненный им в молниеносной графике лик Пастернака на стене приобретал грузинские черты».

В то время юный Андрей увлекся фотографией. И решил сделать подарок ко дню рождения Бориса Леонидовича – большой портрет. Руководительница фотокружка, куда Вознесенский ходил на занятия, лично отретушировала увеличенную фотографию. «Боже мой, какой ужасный это был портрет! – признавался Андрей Андреевич спустя годы. – Отшлифованный красавец. Похожий на коврики с лебедями, которые продавали на рынке. Плюс паспарту фасона пятидесятых годов и окантовка из дерматина. Но что было делать – день рождения наступил». И какова же была реакция Пастернака? «Вот он уже разворачивает бумагу. И восторженно гудит: «Это прекрасно. Это похоже на грузинские примитивы, на Пиросмани». Его реакция не была вежливым комплиментом. Через несколько дней я увидел мой портрет, повешенный им над его дверью. Он и сейчас висит там же, став музейным экспонатом.

Вторую его копию, сотворенную нами для подстраховки, я повесил в своем кабинете».

В доме Пастернака Вознесенский познакомился с Грузией не только отвлеченно, но и непосредственно. Симон Чиковани стал первым поэтом, с которым Андрея познакомил Пастернак, и первым слушателем публичного чтения Вознесенских своих стихов, Иосиф Нонешвили – первым грузинским поэтом, которого Вознесенский переложил, а впоследствии – одним из самых близких его друзей.

Знакомство с Чиковани произошло в доме на Лаврушинском. «Меня поразил тайный огонь в этом тихом человеке со впалыми щеками над будничным двубортным пиджаком, – вспоминал Вознесенский. – Борис Леонидович восторженно гудел об его импрессионизме – впрочем, импрессионизм для него обозначал свое, им самим обозначенное понятие – туда входили и Шопен, и Верлен. Я глядел на двух влюбленных друг в друга артистов. Разговор между ними был порой непонятен мне – то была речь посвященных, служителей высокого ордена. Я присутствовал при таинстве, где грузинские имена и термины казались символами недоступного мне обряда. Потом он попросил меня читать стихи. Ах, эти рифмы детства... На звон трамваев, одурев, облокотились облака. «Одурев» – было явно из пастернаковского арсенала, но ему понравилось не это, а то, что облака – облокотились. В детских строчках он различил за зву-



ковым – зрительное. Симон Иванович сжимал тонкие бледные губы и, причмокивая языком, задержался на строке, в которой мелькнула девушка и к облакам мольбою вскинутый балкон. Таково было мое первое публичное обсуждение. Впервые кто-то третий присутствовал при его беседах со мною».

Именно Пастернак, «верный убиенным Паоло и Тициану», приобщил к переводам своего юного товарища. «Грузинские переводы Б. Пастернака были чем-то особым, сердечной близостью, внутренне ему необходимым. Их рождало не ремесленничество, не нужда, а художническая дружба, влюбленность

в Грузию их рождала». Источником вдохновения для Андрея тоже стала дружба. И осталась ею навсегда.

Хотя история первого перевода с грузинского, как выясняется, была довольно забавна. Об этом в своих воспоминаниях написала скульптор и художник Зоя Масленникова. Она лепила Пастернака и записывала их беседы. Вот одна из них:

– Борис Леонидович, сегодня в «Литературной газете» стихи Вознесенского. Я вам принесла, хотите посмотреть?

– Да, спасибо.

Газета лежит на столе, он читает нагнувшись, опершись о стол рука-

ми, и впервые по его согнутой спине и выступающим лопатками замечаю, что он уже немолод. Прочитав, он говорит:

– Хорошие стихи. Он мне их показывал. Он недавно вернулся из удачной поездки на Кавказ. В Тбилиси он завязал связи с грузинскими поэтами, стал их переводить.

– Да. На вечере итальянских поэтов он читал хороший перевод стихотворения Нонешвили «Со всеми и со всем вдвоем».

Борис Леонидович улыбнулся.

– У этого перевода забавная история.

– Какая? Стихи на деле написал Вознесенский, а перевел их на грузинский Нонешвили?

– Почти угадали. Я вам расскажу, но вы никому не говорите, а то выйдут неприятности. Они оба сговорились написать на одну тему по стихотворению. Написали совсем самостоятельно. У Андриюши получилось хорошее стихотворение, а у Нонешвили хуже. Тогда и возникла мысль сделать перевод, и Нонешвили подогнал свои стихи под Андриюшины. А потом эти стихи имели шумный успех. Андриюша очень способный. В нем есть хорошая мальчишеская смелость. Он может занять одно из первых мест в литературе.

Борис Леонидович прочитывает вслух несколько строк и говорит:

– Правда, хорошо? Спасибо, что вы мне показали газету. Я сегодня как раз пойду звонить по телефону, заодно позвоню Андриюше и поздравлю его – мальчику будет приятно. Он что-то значит в моем

существовании, он какая-то спица в колеснице моей судьбы...

В 1958 году Вознесенский впервые приезжает в Грузию. Он признавался, что Грузия ошеломила его. И – вдохновила. Самые первые его публикации – это стихи о Грузии и переводы с грузинского. Убедитесь сами:

Нонешвили Иосиф. Со всеми и совсем вдвоем. Перевод с грузинского А. Вознесенского. «Лит. газета», 1958, 11 сентября, N109, с. 3

Нонешвили Иосиф. Встреча. Перевод с грузинского А. Вознесенского. «Лит. Грузия», 1958, N4, с. 66-67.

Нонешвили Иосиф. Встреча. Перевод с груз. А. Вознесенского. «Дружба народов», 1958, N 9, с. 20

Нонешвили Иосиф. Алмазный канал. Перевод с груз. А. Вознесенского. «Дружба народов», 1958, N12, с. 80

Вознесенский Андрей. Стихи о Грузии: Горные дороги. – Туля. – Прагед. «Лит. Грузия», 1959, N11, с. 49-50

Вознесенский Андрей. Стихи. Березы в Ингури. – В лесу. «Огонек», N26, июнь 1959, с. 23

Вознесенский Андрей. Дорога на Мцхету (Из грузинского дневника). «Московский комсомолец», 1960, 8 сентября, N180, с. 3

Вознесенский Андрей. Баллада работы. – Баллада о частной собственности. – Туля (из грузинского блокнота). «Лит. газета», 1960, 13 сентября, N109, с. 2

Из трех десятков публикаций

Вознесенского за 1958-1960 годы одна треть – это переводы из Нонешвили и стихи о Грузии, привезенные поэтом из его многочисленных поездок.

Андрей Вознесенский и Иосиф Нонешвили подружились, как говорится, на всю оставшуюся жизнь. Их тесное общение не прерывалось вплоть до ухода Нонешвили из жизни в октябре 1980 года.

Прозаик, переводчик Гурам Гогиашили вспоминал: «Впервые я встретил Андрея вместе с Иосифом в 1960 году в Гори. Тогда Иосиф мне его представил как грузина. «Нет, сейчас он, конечно, русский. Но корни у него грузинские». Я, конечно, воспринял это как шутку Иосифа, для которого все самое лучшее непременно должно было быть связано с Грузией. Он был поистине посланником любви к Грузии в этом мире. Во всем и всегда он искал Сакартвело. Но в дороге и потом, в Тбилиси, Андрей сказал: «В Гори Иосиф правду сказал о моих грузинских корнях, и я обязательно напишу поэму о своем великом предке».

В печально знаменитом 1963-м Иосиф Нонешвили станет одним из немногих, кто поддержал попавшего в опалу Вознесенского.

7 марта 1963 года Никита Хрущев встретился с деятелями культуры, в числе которых было много молодых. Естественно, и Андрей Вознесенский.

Может быть, Хрущев и не накинулся бы на Вознесенского таким страшным и диким образом, если бы не два обстоятельства. Незадол-

го до этого, как мы уже упоминали, владимирское книжное издательство выпустило первый сборник поэта – «Мозаика». Появление небольшой книжечки всего-то в 72 страницы вызвало скандал. Горе-блжстители нравственности не переставали писать гневные письма о том, что молодой поэт искаженно отражает советскую действительность. Кроме того, Вознесенский дал довольно рискованное интервью польскому журналисту, которое возмутило главную советскую польку Ванду Василевскую, жену украинского драматурга, академика А. Корнейчука. Свое возмущение она выплеснула именно на той злополучной кремлевской встрече 7 марта. Хрущев (а это был человек моментальной реакции) не мог не воспользоваться таким моментом и немедленно вытащил на трибуну ошеломленного поэта.

Вознесенский произнес: «Как и мой любимый поэт, мой учитель, Владимир Маяковский, я – не член Коммунистической партии, но я...». Взбешенный Хрущев не дал ему закончить и заревел, не давая встать Вознесенскому и слова: «Это не доблесть, товарищ Вознесенский. Почему вы афишируете, что вы не член партии? А я горжусь тем, что я – член партии и умру членом партии! (Бурные аплодисменты пять минут.) (Передразнивает): – «Я не член партии». Сотрем! Сотрем! Он не член! Бороться так бороться! Мы можем бороться! У нас есть порох! Вы представляете наш народ или вы позорите наш народ?.. Я не могу спокойно слышать подхалимов на-



**Встреча Н. Хрущева с деятелями культуры. Кремль. 7 марта 1963 г.**

ших врагов. Не могу! (Аплодисменты.) Я не могу слушать агентов. Вы скажете, что я зажимаю? Я прежде всего Генеральный секретарь. Прежде всего я человек, прежде всего я гражданин Советского Союза! Я рабочий своего класса, я друг своего народа, я его боец и буду бороться против всякой нечисти!!! Мы создали условия, но это не значит, что мы создали условия для пропаганды антисоветчины!!! Мы никогда не дадим врагам воли. Никогда!!! Никогда!!! (Аплодисменты.) Ишь ты какой, понимаете! «Я не член партии!» Ишь ты какой! Он нам хочет какую-то партию беспартийных создать. Нет, ты – член партии. Только не той партии, в которой я состою. Товарищи, это вопрос борьбы исторической, поэтому здесь, знаете, либерализму

нет места, господин Вознесенский... Ишь ты какой Пастернак нашелся! Мы предложили Пастернаку, чтобы он уехал. Хотите завтра получить паспорт? Хотите?! И езжайте, езжайте к чертовой бабушке!.. Поезжайте, поезжайте туда!!! (Аплодисменты.) Хотите получить сегодня паспорт? Мы вам дадим сейчас же! Я скажу. Я это имею право сделать! И уезжайте!.. Ишь ты какой, понимаете!!! Думают, что Сталин умер, и, значит, все можно... Так вы, значит... Да вы – рабы! Рабы! Потому что, если б вы не были рабами, вы бы так себя не вели. Как этот Эренбург говорит, что он сидел с запертым ртом, молчал, а как Сталин умер, так он разболтался. Нет, господа, не будет этого!!! (Аплодисменты.)... Ты с нами или против нас? Другого пути у нас нет.



**Иосиф Нонешвили**

Мы хотим знать, кто с нами, кто против нас. (Аплодисменты.) Никакой оттепели. Или лето, или мороз».

Случившееся было ужасно. Вознесенский сошел с трибуны под крики и улюлюканье, прошел по залу в сопровождении ухмылок на лицах сидящих и вышел из Кремля в грубой тишине. Кто-то положил ему на плечо руку. Это был Владимир Солоухин. «Мы не были с ним близки, да и потом редко встречались, – рассказывал Вознесенский, – но он подошел: «Пойдем ко мне. Чайку поьем. Зальем беду». Он почти силой увлек меня, не оставляя одного, всю ночь занимал своим собранием

икон, пытаюсь заговорить нервы. Дома у него были только маслины. Наливая стопки, приговаривал: «Ведь это вся мощь страны стояла за ним – все ракеты, космос, армия. Все это на тебя обрушилось. А ты, былиночка, выстоял. Ну, ничего...».

Тут же, без промедления, в Москву прилетел Нонешвили. К тому времени он был очень авторитетной фигурой: возглавлял издательство «Сабчота Сакартвело» («Советская Грузия»), на его пиджаке красовались орден Трудового Красного Знамени и медаль «За трудовую доблесть». На русский язык его стихи переводили такие признанные мастера, как Александр Межиров и Лев Озеров, но Нонешвили примчался в столицу для того, чтобы добиться публикации своих новых произведений именно в переводах Вознесенского. И это был, как вы понимаете, не столько творческий, сколько человеческий, дружеский поступок.

Воспоминания об одном из тех московских вечеров оставил Гурам Гогиашвили: «Так случилось, что весной 1963 года, точнее, в середине марта, я попал в Москву. В гостинице «Москва», где я остановился, жил Иосиф Нонешвили. Он приехал в связи с изданием своих новых стихов на русском языке. В один прекрасный день Иосиф пригласил меня к себе в номер. Гостеприимный хозяин накрыл для гостей грузинский стол: грузинские фрукты, кахетинское вино, чурчхела, дедас пури (*вид грузинского хлеба – прим. автора*), золотистый сыр гуда. Учи-



тывая московский климат, Иосиф не забыл и про кахетинскую чачу. Гостей было трое – Михаил Луконин, Владимир Солоухин и совсем молодой Андрей Вознесенский. Грузинский поэт устроил эту трапезу для того, чтобы, насколько это было возможно, успокоить и подбодрить Андрея. Исключительно с этой целью он и пригласил двух русских поэтов – известных друзей Грузии. Иосиф не обращался к Андрею по имени. Он называл его «чвенебури» («наш»)... Спокойствие и ободрение молодому Вознесенскому действительно были необходимы – над ним нависла угроза быть выдворенным из страны. Иосиф Нонешвили взял под свое дружеское покровительство юного товарища, который был моложе его на 15 лет, и вскоре привез Вознесенского в Грузию как своего личного гостя».

Это был довольно смелый шаг в условиях хрущевского правления, когда по стране шли бесконечные собрания, на которых Вознесенского обсуждали, осуждали, требовали покаяться, в газетах и журналах печатались разносные статьи. Как свидетельствовал сам Вознесенский, один из поэтов, клеймивший его с трибуны собрания в Союзе писателей, потребовал для него высшей меры – как для изменника Родины.

Дошло до того, что издерганный, измученный поэт решил покончить с собой – застрелиться. Написал два предсмертных письма – генсеку Хрущеву и президенту Кеннеди. И пошел к Межирову – одолжить пистолет. «Дайте мне его на три часа. Меня шантажирует банда. Хочу погугать». Межиров был человеком пронзительным. Он горестно вздохнул и сказал, что пистолет на-

**М. Светлов, А. Вознесенский, Б. Ахмадулина, Е. Евтушенко. На съемках фильма «Застава Ильича» в Московском политехническом институте**





**С Медеей Нонешвили**

шла жена и выбросила в речку. И тут Межиров проявил поистине необыкновенную прозорливость – он дал Вознесенскому совет: «Слетайте в Тбилиси к Нонешвили. Там за триста рэ можно купить пистолет».

Уж кто-то, а Межиров знал, что Нонешвили не только не даст Вознесенскому никаких пистолетов, но поддержит и отвлечет его, как никто другой.

Однако Андрей всерьез начинает занимать деньги – он твердо решил стреляться. И вдруг... Перед самым отлетом в Тбилиси раздался звонок из журнала «Молодая гвардия»: «Старик, нам нужно поднять подписку. У тебя есть сенсация?» Сенсация у Вознесенского была – поэма «Оза», которую, естественно, никто не хотел публиковать. А тут – раз, и напечатали. «Держа свежий

номер журнала, я думал, каким я мог быть кретином тогда», – напишет позже поэт...

В это же время особую роль в судьбе и Вознесенского, и всех шестидесятников сыграет еще один уроженец Тбилиси – Марлен Хуциев.

В 1959 году Хуциев начал работу над фильмом «Застава Ильича».

Знаменитая сцена поэтического вечера в Политехническом музее с участием Вознесенского и его друзей-коллег была снята, представьте себе, по предложению министра культуры Е. Фурцевой – она выделила дополнительные средства, чтобы этот эпизод (поначалу довольно скромный) расширили и пересняли. Но именно он и станет потом главным источником раздражения цензоров. После многочисленных правок фильм выйдет на экраны только в 1965 году под на-



**С супругой Зоей Богуславской**

званием «Мне двадцать лет». Выступления поэтов из него вырежут, но съемки в картине Хуциева все-таки имели свое судьбоносное значение – они положили начало традиции поэтических вечеров в Политехническом. А через год поэты пойдут выступать уже в переполненных Лужниках – такого еще не бывало.

Кстати, Марлен Хуциев оказался «коллегой» Вознесенского – кампанию травли его картины тоже начал Хрущев, которого особенно разъярила сцена воображаемого разговора погибшего на войне отца и его сына. «И вы хотите, чтобы мы поверили в правдивость эпизода, когда отец не знает, что ответить сыну на вопрос «как жить?» – бесновался генсек. А ведь речь шла о сцене, в которой герой встречается с тенью отца и, действительно, спрашивает: «Как жить?» Отец спрашивает: «Тебе сколько

лет?» – «Двадцать четыре». – «А мне двадцать один...»

...Жизнь шла своим чередом. Слава Вознесенского росла. Он много печатается и выступает. Каждый новый сборник становится событием и мгновенно раскупается. Он женится на писательнице и театральном критике Зое Богуславской. Вознесенского восторженно принимают в Европе и Америке. Спектаклем «Антимиры» начинается поэтический театр Юрия Любимова. В этом спектакле Владимир Высоцкий впервые спел «Песню акына», да так пронзительно и проникновенно спел, что многие и по сей день уверены – слова написаны не Вознесенским, а самим Высоцким...

А Грузия – день ото дня – только усиливала для поэта силу своего притяжения.

Вознесенский стал желанным и очень частым гостем в семье Иосифа и Медеи Нонешвили – как в Тбилиси, так и в Карданахи, где сейчас находится дом-музей Иосифа Нонешвили и где – как дорогие экспонаты – хранятся фотографии и личная переписка, повествующая о братской дружбе Андрея и Иосифа.

В дни идейно-политической непогоды Вознесенский всегда находил приют у Нонешвили. Он чувствовал себя в их семье в полной безопасности и спокойно ждал, пока распогодится.

Так случилось и в 1967 году. По совету одного доброжелательного критика на страницах «Литературной России» поэт опубликовал несколько стихотворений о Ленине под общим названием «Уоки-токи». В это время Хрущев уже ушел с политической арены. Но не исчезли борцы за идеологическую чистоту страны. Как это ни странно, в их число вошли и руководители Центрального банка СССР, которые поняли в прямом смысле поэтические образы Вознесенского. Особенное возмущение вызвала строка «Уберите Ленина с денег», которая, по их мнению, призывала к крушению всей советской банковской системы. И снова Андрей был вынужден покинуть столицу. И снова отправился в Тбилиси, к Иосифу Нонешвили. И Грузия встретила его особенным образом – газета «Заря Востока» опубликовала стихотворение ... «Уберите Ленина с денег»!

Конечно, Вознесенский гораздо чаще приезжал в Грузию по счаст-

ливым поводам, ведь Грузия вошла в жизнь и творчество поэта во всей своей полноте, во всем великолепии. И Андрей Андреевич бывал здесь ежегодно – выступал, писал, переводил, публиковался, дружил, влюблялся, путешествовал, отдыхал...

## «ВТОРАЯ ОТЧИЗНА»



«Через Грузию неизбежно проходят в сердечном плане русские поэты», – отмечал Николай Тихонов. «В года веселые и грустные нас судьбы общие взрастили, и золотые музы Грузии дружили с музами России», – откликнулся Андрей Вознесенский.

«О творчестве Андрея Вознесенского написано много научных и критических работ, – читаем мы в научной статье И.В. Федоровой под знаковым названием «Сакральное родство». – В наследии поэта особым образом выделяется тема Грузии. С ней Вознесенского связывали события фактические и метафизические. Поэт неоднократно посещал Грузию, в Грузии было издано несколько его книг, воспоминаниям о Грузии посвящены многие стихотворения поэта... Так случилось, что Грузия явилась в жизни Вознесенского не только близкой сердцу стороной. Солнечная Иверия была для него второй отчизной, постигая



**Д. Инджия, О. Чхеидзе, С. Ходжеванишвили, И. Нонешвили, И. Алазтели, А. Вознесенский, Ш. Чубинидзе, А. Шакулашвили. Гори. 1960-е гг.**

которую, он находил ответы на важные вопросы».

Андрей Вознесенский, как уже было сказано, принял драгоценную эстафету любви к Грузии из рук Пастернака. Он изучает историю страны, общается и дружит с поэтами Грузии, переводит стихотворения Григола Абашидзе (1914-1994), Шота Нишнианидзе (1929-1999), Отара Чиладзе (1933-2009), Реваза Маргиани (1916-1984), Лии Стуруа и др.

По справедливому замечанию литературоведа, переводчика А.Н. Беставашвили, «вычлнить из монолита творчества Вознесенского «грузинскую тему», мне кажется, невозможно. Это все равно, что резать по живому. Когда он пишет о

Грузии, всегда думает о России и, говоря о России, никогда не забывает Грузию. Это всегда тот же голос, та же мелодия, та же боль или радость».

В дружеский круг Андрея Андреевича, помимо уже упомянутых, входили скульптор, художник Зураб Церетели, литературный критик Гия Маргвелашвили (1923-1989), переводчик, критик Вахушти Котетишвили (1935-2008), поэты Ираклий Абашидзе (1909-1992), Джансуг Чарквиани (1931-2017), Мзия Хетагури, Реваз Амашукели и другие.

Поделимся с читателем избранными воспоминаниями грузинских друзей и знакомых Андрея Вознесенского (некоторые из них публикуются впервые).





Тбилиси. Метехский мост. 1970-е гг.







**М. Поцхшвили, А. Вознесенский, Дж. Чарквиани, Ч. Амиреджиби. Справа - М. Квливидзе. Москва. 1970-е гг.**

**Вахушти Котетишвили** рассказывал: «Очень интересно мы встретились с Андреем. Это было в Пицунде, на вилле Резо Табукашвили. Туда нас пригласил Лаша, его сын, известный грузинский драматург. У нас было очень веселое застолье, где я был тамадой. Пришли неожиданно в гости русские поэты и в том числе Андрей Вознесенский. Я, конечно, уже перешел на русский язык, по-русски говорил тосты и произносил стихотворения русских поэтов и даже самого Андрея Вознесенского. Он очень удивился. «Почему, – говорит, – я до сих пор вас не знал?». На салфетке написал экспромт: «Ни царевны повсюду, а лягушки-квакушки. Если хочется чуда, постучитесь к Вахушти». У меня хранится до сих пор его автограф. И я очень сожалею, что из-за глупой политики наших политиков, и

русских, и грузинских, сложилась такая ситуация, что нужна виза, чтобы попасть в Москву или Петербург».

**Джансуг Чарквиани** в свое время поведал такой эпизод. Как-то раз собралась за дружеским столом привычная компания русских и грузинских шестидесятников. Слово за слово, тост за тостом, шутка за шуткой. И вдруг Андрей Вознесенский говорит, что его фамилия – особенная, к ней невозможно придумать точную полную рифму. Тут же поспорили: тому, кто придумает такую рифму, – ящик коньяка. Азартный Евтушенко объявил, что коньяк достанется ему. Объявить-то он объявил, а подходящая рифма не находилась. Невозмутимый Джансуг спокойно сказал, что у него есть такая рифма. «Это невозможно! – крикнул Евтушенко. – Я,

русский поэт, не смог придумать, а ты смог?» – «Смог», – ответил Чарквани и смачно продекламировал: «Клуба возле сельского/ Любил я Вознесенского». Евушенко аж застонал от восторга! (Во имя истины добавим, что в этом двустишии мы заменили весьма крепкое словцо, но рифма-то от этого не меняется!).

Журналист и литератор **Владимир Головин** поделился таким воспоминанием: «Это был период очередных «всенародных выборов» в Верховный Совет СССР. В Тбилиси тайне от общественности появился Андрей Вознесенский. Он хотел отдышаться от московской обстановки, жил у друзей, надеялся, что оста-

нется незамеченным журналистской братией. Но в Грузинформ – официальное информационное агентство, являвшееся и филиалом ТАСС, – поступило распоряжение от «верхов»: взять у поэта интервью, на каком избирательном участке Тбилиси, за кого и с каким чувством он будет голосовать. И автор этих строк был отправлен на отнюдь не самое приятное редакционное задание. В крохотной комнатке старой тифлисской квартиры на одной из улочек, избегающих к горе Мтацминда, Вознесенский правильно оценил смущенный вид интервьюера и вежливо сообщил, что приехал сюда отнюдь не на выборы, а потому, что «ему сейчас необходимо побыть здесь,

**Дж. Чарквани, А. Вознесенский, М. Нонешвили, Р. Амашукели в Тбилисском аэропорту**



среди друзей, инкогнито». А чтобы его оставили в покое, даже согласен взамен, чуть позже, дать интервью о своих литературных планах, хотя ему сейчас и не до этого. Но если уж так необходимы лояльные высказывания на «выборную» тему, то корреспондент, если хочет, может от себя написать все, что полагается в таких случаях. Корреспондент не захотел. И в редакции с легким сердцем принял нагоняй за невыполненное ответственное задание. Впрочем, легко на сердце от такого разрешения ситуации было и у того, кто для проформы делал этот нагоняй, - директора Грузинформа Теймураза Степанова-Мамаладзе. Как ни странно для того времени, официальное информационное агентство возглавлял не администратор и лизоблюд, а неординарный и талантливый журналист, все правильно понимающий настоящий тбилисец (высшая оценка человеческих качеств в вольном городе Тбилиси)».

**Гия Маргвелашвили**, легендарный критик, редактор журнала «Литературная Грузия», основатель и многолетний ведущий в ней рубрики «Свидетельствует вещий знак», однажды стал еще одним связующим звеном в цепи «Пастернак-Вознесенский», обнаружив замечательную поэтическую переключку. Об этом написал сам Андрей Андреевич: «Когда я переводил стихи Отара Чиладзе «До разлуки», меня остановили строки: «Дай мне руку твою – горячую, обыкновенную! Дай сердце мне твое – обыкновенное,

горячее...» Цитирую по подстрочнику. Закончив перевод, я отнес его грузинскому критику Гие Маргвелашвили. В тот же вечер он показал мне хранящийся в его архиве пастернаковский набросок, посвященный Лили Харазовой, погибшей в 20-е годы от тифа. Примерно то же поэт повторил в своей речи на пленуме правления СП в 1936 г. в Минске: «Под посредственностью обычно понимают людей рядовых и обыкновенных. Между тем обыкновенность есть живое качество, идущее изнутри, и во многом, как это ни странно, отдаленно подобно дарованию. Всего обыкновеннее люди гениальные... И еще обыкновеннее, захватывающе обыкновенна – природа. Необыкновенна только посредственность, то есть та категория людей, которую составляет так называемый «интересный человек». С древнейших времен он гнушал-

**На вечере, посвященном Давиду Гурамишвили: А. Вознесенский, М. Хетагури (на трибуне), В. Солоухин, Д. Чарквиани. Москва. ЦДЛ. 1981 г. Публикуется впервые**





**На международной писательской встрече. Москва. 1990 г. Публикуется впервые**

ся делом и паразитировал на гениальности, понимая ее как какую-то лестную исключительность, между тем как гениальность есть предельная и порывистая, воодушевленная собственной бесконечностью правильность».

Поэт **Мзия Хетагури** предоставила для этой книги две фотографии из своего личного архива (они публикуются впервые) и вспомнила несколько эпизодов: «Как-то в Москве мне довелось выступать с сообщением о том, что на самом деле происходит в Самачабло – во мне ведь течет и осетинская кровь, я выросла в Цхинвали. Среди слушателей был и Андрей Вознесенский. После выступления он ко мне подошел и сказал: «Мзия, моя дорогая, ты так хорошо объяснила всю ситуацию, что у меня нет и больше не возникнет никаких вопросов. Спасибо тебе! Я не сомневался и не сомневаюсь, что Грузия должна быть независимой. Но литература и

мы, поэты, я и вы, должны быть вне политики»... Я вспоминаю выступления Андрея в зале Филармонии, в Доме кино – всегда был аншлаг, успех, гром аплодисментов и море цветов. И всегда на эти вечера приходили его тбилисские друзья – Нодар Думбадзе, Джансуг Чарквиани, Резо Амашукели и многие другие... Случился однажды и курьезный случай. Как-то раз после выступления Вознесенского в тбилисском Доме кино нас с ним сфотографировал корреспондент, и в газете (если не ошибаюсь, это была грузиноязычная газета «Тбилиси») появился снимок с подписью «Андрей Вознесенский с гостией города». Я попала в число «гостей» Тбилиси! Мне было смешно, а вот Андрей обиделся не на шутку и позвонил в редакцию. На следующий же день газета опубликовала опровержение с извинениями... Кстати, моя дочь Иринэ Гочашвили, поэт, переводчик, выпускница московского Литературного института имени Горького, перевела на грузинский язык произведения многих русских поэтов и прозаиков – в том числе, и Вознесенского».

**Эмзар Квитаишвили** рассказал такой случай: «Это было в тот период, когда в Доме писателей на Мачабели шли ремонтные работы, и кабинет Иосифа Нонешвили перенесли на четвертый этаж гостиницы «Ориент». Этого здания сейчас не существует, а тогда оно находилось рядом с кинотеатром «Руставели». Кстати, там произошел очень обидный для Нонешвили случай. По ко-



**С Резо Амашукели. Публикуется впервые**

ридерам гостиницы свободно шатались неизвестные люди, и у нашего знаменитого поэта украли новую дубленку. А на ее место повесили какое-то старье... Ну да ладно... Так вот, в один прекрасный день я захожу к Нонешвили и застаю там Андрея Вознесенского. Иосиф представил меня ему как одного из самых лучших поэтов Грузии. Я, конечно, был смущен и сказал, что это не совсем так. И тут же получил от Нонешвили взбучку – он рассердился не на шутку и спросил: «Ты что, думаешь, я каждому поэту говорю такие слова?» Воспользовавшись случаем, я признался Вознесенскому, что являюсь поклонником его поэзии, знаком и со стихотворениями, и

с поэмами, кроме того, очень ценю его юмористические стихи. И я тут же процитировал: «Живет у нас сосед Букашкин, Бухгалтер цвета промокاشки, Но, как воздушные шары, Над ним горят антимиры!» Андрей от души рассмеялся... Прошло совсем немного времени, и Вознесенский прислал мне в подарок книгу «Антимиры» с дарственной надписью. Конечно, я ее храню».

Когда мы обратились к поэту **Резо Амашукели** с просьбой поделиться воспоминаниями об Андрее Андреевиче, выяснилось, что момент для беседы оказался неподходящим. Батони Резо оправлялся после тяжелой болезни и даже – клинической смерти. Но несмотря на это, он согласился на короткую встречу и передал для публикации фотографию из своего архива (она публикуется впервые). Скажем откровенно, сил для подробного разговора у поэта не было (это, мы уверены, нам еще предстоит), а вот свою волю Резо Амашукели просто собрал в кулак и произнес страстный монолог: «Русская культура, русская литература – в моей крови. Что можно сделать с моей кровью? Она всегда со мной. Я не мыслю своей жизни без русской литературы! Как можно называть себя интеллигентным человеком, если ты не читал «Анну Каренину» в подлиннике? Как?.. С Андреем Вознесенским мы познакомились очень рано и сразу крепко подружились. Дружили до последних дней. Когда он давал вечер в тбилисской филар-

монии, я вышел к нему на сцену и подарил белые розы. Помню, как это тронуло Андрея... А потом мы до утра сидели у Зураба Церетели... Все, от Владимира Солоухина до Михаила Синельникова, входили в мой ближний круг. И мы всегда помогали, когда им было трудно. Когда Андрей попадал в очередной переплет, тут же приезжал в Грузию – отдохнуть, переждать. Возникли проблемы у Жени Евтушенко – мы сразу же ему издали здесь книгу. Как и Андрею, и Белле... А вы знаете, что я был крестным отцом Беллы? Да, я крестил ее в Светицховели, а потом она меня пригласила на свое 60-летие, и я, конечно, полетел... Я хочу, чтобы наши дети и внуки жили в достойной стране. Достоинство – это то, что всегда отличало настоящего грузина. А без русской культуры я себе настоящей Грузии не представляю. Обещаю вам – поправлюсь, стану на ноги, и мы с вами сядем и обо всем поговорим».

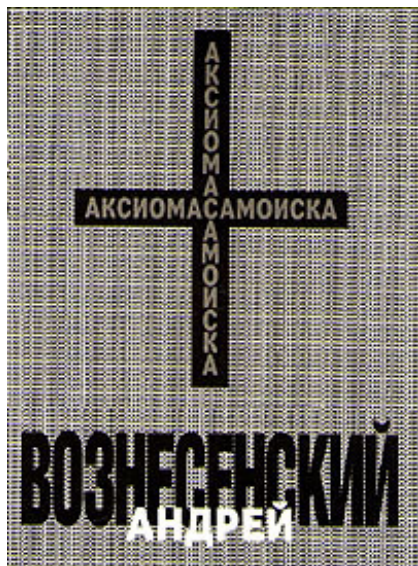
3 июня 2010 года, накануне прощания с поэтом, в Тбилисском международном пресс-центре РИА Новости состоялась пресс-конференция, посвященная памяти Андрея Вознесенского.

«Поэзия Вознесенского была для нас, молодых, абсолютно ошеломляющей, – вспоминал **Зураб Абашидзе**. – Это реформаторская поэзия. Очень искренняя. Стихи запоминались сами собой... Я познакомился с Вознесенским в 70-х годах – когда был студентом. Ан-



дрей Андреевич приезжал в Тбилиси, бывал у нас дома. Дружил с моим отцом, Ираклием Абашидзе, который в то время возглавлял Союз писателей Грузии, переводил его стихи. Позже, когда я работал в Москве послом Грузии в России, Андрей Андреевич часто приходил в посольство. У нас было принято периодически приглашать в грузинское посольство исключительно мужскую компанию: писателей, поэтов, режиссеров... По воскресным утрам мы собирали их на настоящий грузинский хаш. Бывало весело: поэты читали стихи, мы все упражнялись в остроумии. Вознесенский не раз бывал в наших хашных компаниях... К 2000 году он уже был слаб физически. Но, тем не менее, приходил, тихонько сидел, улыбался.





И в какой-то момент внезапно начал читать стихи. И долго так мог декламировать. А потом вдруг выключался и опять тихо сидел. Писал он до последних дней. Я читал эти стихи. Это абсолютно новые стихи, новые по стихосложению и метафорам».

«Мы собрались по печальному поводу, – сказал **Заза Абзианидзе**. – Сегодня мы вспоминаем великого поэта России Андрея Вознесенского. У нас в Грузии свое, особое отношение к нему. Его неповторимая интонация обусловлена генетически. Думаю, он гордился тем, что в его жилах была частица грузинской крови... Как-то в московском Пенклубе был вечер памяти Ильи Дадашидзе. Андрей Андреевич, уже будучи больным, преодолевая недуг, пришел на этот вечер, поскольку

считал свое присутствие данью памяти и подтверждением верности грузинской поэзии... Когда меня представили как главного редактора «Литературной Грузии», у многих потеплели глаза. Это не моя заслуга, это 50-летняя деятельность редакции журнала. «Литературная Грузия» была как трамплин для русских поэтов. В морозные дни сусловской цензуры русские поэты обретали в Грузии вторую поэтическую родину. В их числе был и Андрей Вознесенский. Он продолжил традицию Пастернака, Тихонова, Заболоцкого по отношению к Грузии. Традицию светлого, трепетного к ней отношения... В руках у меня сборник поэта «Иверский свет», который я очень люблю. В него вошли стихотворения из разных сборников, проза и поэмы, проникнутые теплым отношением к Грузии. Как специалист по символике я усматриваю тут некий символ. «Иверский свет», можно сказать, озарил биографию Андрея Вознесенского, принес особое тепло, особые полутона в его творчество».

\*\*\*

Видеть поэта воочию мне довелось единственный раз. Безумный стык конца 80-х - начала 90-х. 9 апреля, война, холод, бессветье, пустые улицы, битком – метро... Не работают телефоны. Грязно. Единственный дворник на весь город – осенний ветер.

Вознесенский прилетел неожиданно. Крохотные афишки опове-

стили о его приезде лишь накануне. Полупустой зал филармонии. В воздух – яркие искры волнения и напряженного внимания. Два часа чтения. Почему-то особо запомнилось, как он читал «Служи молебен, Сакартвело», «Не трожьте музыку руками» и сатирическое стихотворение «Здравствуйте, министр добрейший аморальных удобрений».

Из зала непрерывным потоком шли записки с просьбами прочитать те или иные стихотворения. «Да что же такое? – удрученно заметил Андрей Андреевич. – Вы просите прочесть именно те стихи, которых я не помню наизусть». Хотя был очевидно польщен, что публика настолько хорошо знакома с его творчеством.

Вознесенский умудрился приехать с подарком. Он привез в Тбилиси часть тиража своей новой книги «Аксиома самоиска». Книжки летели другим самолетом. Поэт нервничал, но во время выступления сообщили, что груз доставлен...

После встречи слушатели возвращались темными улицами домой, освещая себе путь, как лампадками, сияющими томиками новой книжки. Они пахли типографией и жаром самолета...

Оказалось, в этот приезд Вознесенского могла состояться очень интересная встреча, да вот беда – не состоялась. Об этом рассказал журналист **Юрий Симонян**, ныне – обозреватель «Независимой газеты»: «В самом конце 80-х годов в Тбилиси был приглашен Андрей Вознесенский. Приезд поэта организовало какое-то культурно-про-

светительское общество при развалившемся ЦК комсомола Грузии, наивно полагая, что чтение Вознесенским стихотворений в филармонии поможет преодолеть раскол между Тбилиси и Москвой, образовавшийся 9 апреля 1989 года, когда жестоко была подавлена антисоветская манифестация. Андрей Андреевич, искренне любивший Грузию, гордившийся прапрадедом – муромским архимандритом, имевшим грузинское происхождение, и не представлявший четко то, что творилось в тот период в республике, согласился на благое дело. Организаторы приезда, столкнувшиеся с целым ворохом проблем, были рады моему появлению в их конторе. Я-то пришел лишь договориться по поводу интервью с Андреем Андреевичем, а вышло так, что мне вручили огромный букет роз и на правительственном «членовозе» отправили в аэропорт встречать гостя, ссудив и деньгами на ужин в ресторане знаменитой гостиницы «Иверия», где для него был забронирован номер. Странное поведение комсомольцев объяснялось тем, что продажа билетов на выступление злостно саботировалась – мероприятие оказалось под угрозой срыва, им было неудобно, но отменить приезд Вознесенского они уже не могли (*Повторим для ясности: публичная информация о выступлении поэта появилась лишь за день-другой до назначенного вечера; многие почитатели Вознесенского о его приезде даже не знали – прим. автора*). Андрей Андреевич,



**С Зурабом Церетели**

мучившийся от аллергии, на цветы замахал рукой, удивился встретившему его одинокому журналисту, но виду в дальнейшем не подавал. По дороге отвечал на вопросы, сам выспрашивал подробности апрельской трагедии, а потом, уже за обедом, сказал: «Хотел бы с одним физиком встретиться...» Но не договорил – пришли люди от его друга скульптора Зураба Церетели и увезли к нему на дачу».

А теперь несколько слов о том самом физике (вернее, геофизике), с которым хотел увидеться Вознесенский. Это доктор физико-математических наук Анзор Гвелесиани, профессор Института геофизики им. М.З. Нодия Тбилисского государственного университета им. Ив. Джавахишвили. В свое время он сделал – представьте себе! – литературное открытие. На крупной со-

ветско-американской конференции по проблемам ядерной безопасности в Тбилиси в 1983 году академик Георгий Голицын описывал вероятные последствия ядерной войны. Анзор Гвелесиани взял слово и поинтересовался у Голицына, знаком ли тот с произведением Байрона «Darkness» – «Тьма». Гвелесиани продекламировал произведение, и стало ясно, что Байрон на двести лет опередил академика с его описанием последствий ядерной войны. Сообщение произвело ошеломляющий эффект. Ученые только о нем и говорили.

Тбилисская история дошла до Вознесенского. Он делает свободный перевод из Байрона, предвзято его двустушием:

*Я перевел  
стихотворенье «Тьма» –  
как «Ядерная зима».*

Ю. Симонян пишет: «Анзор Иосифович разговаривает больше о любимой поэзии и литературе, обильно цитирует в оригинале любимых Пушкина и Есенина, русских символистов и грузинских «голуборожцев», Робакидзе и Терьяна. И Байрона, конечно. Куда ему – члену Байроновского общества, без него? «В горах Швейцарии лорд Байрон наблюдал удивительное атмосферное явление, которое описал в одном из своих произведений... Какое-то время я не вполне представлял, с чем он столкнулся? И как-то сам увидел это здесь в Тбилиси: представьте облако, а в нем самом – молнии!

– И вдруг грустнее: – Очень жаль, я не исключал встречи с Вознесенским...» Что я мог ему сказать? Что более 20 лет назад и Вознесенский искал с ним встречи, но не сложилось?..»

\*\*\*

Произведения Андрея Вознесенского регулярно появлялись на страницах грузинской печати, в частности, «Литературной Грузии» и «Зари Востока». Вообще, после России, больше всего Вознесенского печатали в Грузии. Упомянем лишь некоторые из публикаций:

Вознесенский А. Драч, Иван. Разносчик солнц (Стихи). Пер. с укр. А. Вознесенского. «Заря Востока», 1964, 8 октября

Вознесенский А. К VI съезду писателей Грузии. «Заря Востока», 1966, 26 июля

Вознесенский Андрей. «Я не знаю, как это сделать...» (Стихи) («Уберите Ленина с денег»). «Звезда Востока», 1967, N3, с. 19

Вознесенский А. Грузинские безрезы. – Тбилисские базары. – Горный родничок (Стихи). В сб.: «... Если пелось про это» (Грузия в русской советской поэзии). Тбилиси, изд. «Мерани», 1977, с. 48 – 49.

Вознесенский Андрей. Баллада спасения (из Ш. Нишнианидзе). – Чувство. – Певец. – Объявление о знакомстве. – Монахиня моря. «Комсомольская правда», 1980, 11 октября, с. 4. 1980

Стихотворение «Певец», посвященное памяти В. Высоцкого, напе-

чатано без последней строфы:

*Еще остался от Высоцкого  
Судьбы неукротимой статус  
И эхо страшного вопроса:  
«А кто остался?»*

Вознесенский Андрей. Андрей Полисадов. «Новый мир», 1980, N1, с. 168 – 179

Вознесенский Андрей. Григол Абашидзе. «Если б тебя не было...» (Стихи). Перевел А. Вознесенский. «Лит. газета», 1980, 24 сентября, с. 7

Вознесенский Андрей. Стихи сентября. Объявление о знакомстве. – Монахиня моря. – Пицунда. – Детские стихи. – Микеланджело. – Терновник. – До разлуки (на мотив О. Чиладзе). «Октябрь», 1980, N10, с. 75 – 77.

Вознесенский Андрей. Зодчие речи. Фото: монумент «Дружба на веки» (Архитектор – А. Вознесенский, скульптор – З. Церетели). «Правда», 1983, 22 июня, с. 6.

\*\*\*

Нельзя не отметить и тот факт, что грузинские ученые одними из первых начали анализировать его творчество. Так, в журнале «Литературная Грузия» (N6, 1967 г.) доктор философских наук **А.Ф. Бегишвили** опубликовал статью «Два поэта – два миропонимания». В ней он анализирует «два противоположных понимания мира, два противоположных подхода к нему» – Вознесенского и Евтушенко.

«Поэзия Вознесенского, – пишет

автор, – проникнута убеждением, что знакомый облик предметов, знакомые способы их существования скрывают их изначальные формы, изначальную сущность. Поэтому в нем ощутимо желание сорвать с предметов эти внешние, знакомые, но не истинные формы и пробраться к тем изначальным, «истинным», которые скрыты от нашего взгляда... Эта убежденность в миражности, «недействительности» знакомых внешних форм предметов порождает у Вознесенского ожидание того, что внезапно предметы могут отбросить привычный способ существования и принять формы, противоположные тем, с которыми мы свыклись в ежедневной жизни... Вознесенский старается найти такой ракурс для окружающих нас предметов, который помог бы уяснить их другую форму, другую сущность... В отличие от Евтушенко Вознесенский никогда не занимает позицию спокойного повествователя, не отходит в сторону, чтобы дать говорить самим событиям... Он всегда присутствует в своих стихах и берет слово сам... Система мировоззрения Вознесенского основана на убеждении в том, что жизнь человека, поскольку она содержит подлинные человеческие ценности, является высшим чудом мироздания:

*Чудо жить – необъяснимо.  
Кто не жил –  
что спорить с ними?!»*

## ПО МАРШРУТУ МОСКВА – ТБИЛИСИ



В жизни Андрея Вознесенского, как выясняется, был один своеобразный ритуал, сложившийся случайно, сам по себе – нередко, встречаясь в Москве со своими знаменитыми на весь мир друзьями, он затем провожал их в Тбилиси.



С Бобом Диланом

### История первая. Боб Дилан

В 1985 году, накануне Всемирного фестиваля молодежи и студентов, Андрей Вознесенский и Евгений Евтушенко решили организовать Вечер мировой поэзии в Лужниках. Наряду с отечественными авторами были приглашены иностранцы, в том числе певец Боб Дилан и поэт Аллен



**Выступление Боба Дилана в Москве**

Гинзберг. Андрей Андреевич рассказывал, что мероприятие особо не афишировалось – плакаты, расклеенные в городе, приглашали просто на выступление поэтов. К тому времени, как известно, поэты запросто собирали стадионы. Очень обидно, но именно в тот вечер Лужники не заполнились даже наполовину.

Боб Дилан вышел на сцену и остолбенел, увидев полупустые трибуны. Он спел свою знаменитую «Blowin' In The Wind», несколько новых песен. Прием был прохладный.

Евтушенко позже вспоминал, что американский певец ушел со сцены «чуть ли не в слезах», после чего Вознесенский «забрал его к себе на дачу в Переделкино, отпаивал чаем, успокаивал». Ему было невыносимо стыдно (и он потом об этом рассказывал много раз), что он пригласил

Дилана, а принять его достойным образом в Москве не смогли...

Но, слава богу, Вознесенский провожает американцев в Тбилиси, и вот там-то их приняли как полагается.

В Тбилиси на выступление Боба Дилана пришла молодежь, концерт прошел феерически, а после окончания вечера ликующая толпа подняла его автомобиль в воздух и пронесла по улице, не обращая внимания на испуганные восклицания Дилана.

Не обошлось без курьеза. В Доме писателей Грузии прошла встреча Боба Дилана и Аллена Гинзберга с грузинскими писателями. Прежде чем начать беседу о литературе, Гинзберг вдруг обратился к хозяевам с таким вопросом: «Вчера мы гуляли с Сергеем Параджановым по городу. Если, как вы говорите, в вашей стране царит демократия, то почему





**Сенатор Эдвард Кеннеди на Дезертирском базаре в Тбилиси**

на улицах не стоят проститутки?» О том, что ответили на вопрос писатели Грузии – история умалчивает.

Добавим для полноты картины, что Дилан приехал в СССР еще по одной причине – он хотел посетить Одессу, из которой его дед и бабушка Зигман и Анна Циммерманы в 1905 году эмигрировали в США после антисемитских погромов. Из Москвы Дилана в Одессу не пустили, а из Тбилиси музыкант туда все-таки добрался.

### **История вторая. Эдвард Кеннеди**

Эдвард Мур («Тед») Кеннеди, сенатор США от штата Массачусетс на протяжении 47 лет, приехал в СССР в 1974 году и, конечно, пришел в го-

сти к Андрею Вознесенскому. Что и не удивительно – поэт был знаком с Робертом Кеннеди, который был поклонником его творчества, довольно часто встречался с Жаклин Кеннеди – она даже прилетала на выступления Вознесенского в Европу.

Тед Кеннеди написал одно из предисловий к изданию «Ностальгия по настоящему». «Поэты дают нам грацию, – писал сенатор. – Благодаря их дару предвидения они помогают нам поднять голову от пыльной дороги и воздеть глаза на горизонт, благодаря им существо жизни становится более понятным». Далее Кеннеди вспоминает: «Я был с Вознесенским на его чтении в библиотеке Конгресса в Вашингтоне. Это позволило мне не только увидеть в нашей столице од-

ного из величайших живущих поэтов, но и возобновить дружбу, которая имеет особое значение для меня и моей семьи. Во время моего визита в СССР он пригласил меня в свой дом в Москве, где я провел упоительный вечер».

Вечер в высотном доме на Котельнической набережной и в самом деле удался. Тед Кеннеди приехал с женой Джоан. Она играла на фортепиано отрывки из «Пети и волка» Прокофьева. Засиделись до утра. Вознесенский пожелал Теду и Джоан счастливого пути и проводил... Куда? В Тбилиси! А там его встречали не только высокопоставленные чиновники, но и друг Вознесенского – поэт Ираклий Абашидзе.

#### С Эдвардом Кеннеди



Кстати, в Тбилиси сенатор поразил всех – он нарушил протокол и за просто прогулялся по улицам города и даже заглянул на знаменитый «Дедертирский» базар. Побывал Кеннеди и в серных банях. Искусство мекисе (тершика) настолько его поразило, что он снял с руки часы и подарил на память тбилисскому мастеру банных дел.

#### История третья. Владимир Высоцкий и Марина Влади

Вознесенский был в числе многочисленных гостей, которые собрались на небольшое застолье, чтобы поздравить Высоцкого и Влади с официальным браком – 1 декабря 1970 года они зарегистрировали свой брак в московском Дворце бракосочетаний.

Андрею Вознесенскому этот вечер запомнился так: «Любимый сын «Таганки» В. Высоцкий в отличие от запстаров был деликатен в жизни. Он мог бы закатить свадьбу на Манежной площади – все равно не хватило бы мест. Помню, он подошел и торжественно-иронически произнес: «Имею честь пригласить вас на свадьбу, которая состоится 13 января 1970 года. Будут только свои». (Вознесенский ошибся с датой – скорее всего, речь идет о 13 декабря; прим. автора). На торжестве в снятой накануне однокомнатной квартирке на 2-й Фрунзенской набережной, за один день превращенной Мариной Влади в уютное гнездышко, мы с Зоей встретили лишь Ю. Любимова, Л. Целиковскую, В. Абдулова, режиссера А. Митту с женой Лилей,



**С Владимиром Высоцким. 1960-е гг.**

изготовившей сказочно роскошный пирог. Владимир был светлогрустен, молчал, ничего не пригубил. Зураб Церетели вспоминает, как мы с ним скинулись на несколько бутылок вина. Трудно представить, как небогаты мы все были. Потом молодые, по приглашению Зураба, уехали в путешествие по Грузии...».

А несколькими годами ранее в Тбилиси состоялась знаменательная встреча: Вознесенский привел Высоцкого в так называемый «писательский дом» по улице Гогебашвили, 43 и познакомил его со своим старшим другом Иосифом Нонешвили. Знакомство оказалось приятным, и Высоцкий засиделся до утра – пел, читал стихи... Потом, как рассказывал сын Нонешвили, Александр, одноклассники, приходя в гости, снова и снова просились посидеть на том самом стуле, на котором сидел сам Высоцкий.

## ЭХО ПИРОСМАНИ



Наш рассказ не будет полным, если мы не упомянем историю рождения самой знаменитой песни, написанной на слова Андрея Вознесенского – «Миллион алых роз».

«Косвенная связь с грузинскими мотивами обнаруживается и в широко известном песенном репертуаре Андрея Вознесенского, – пишет И. Федорова в уже упоминавшейся статье «Сакральное родство». – Родственное отношение к солнечной Грузии определило круг интересов Вознесенского, который живо изучал историю православия в Грузии, путешествовал по стране, посещал монастыри, с упоением постигал историю грузинской живописи».

Конечно, ему было очень хорошо известно творчество Нико Пиросмани. Но толчком для появления строк «Жил-был художник один...» стали не клеенки, расписанные великим самоучкой, а горькая история его неразделенной любви к актрисе Маргарите.

Как гласит одна из легенд, красавица была неприступна и не обращала на художника никакого внимания, даже когда он написал ее портрет. Но однажды... Об этом поведал в своей «Книге о жизни» Константин Паустовский, пораженный и вдохновленный судьбой Пиросмани.

Помните?

«В общем, утро было бы действительно самым обыкновенным, если не знать, что это было утро дня рождения Нико Пиросманишвили и если бы именно в это утро в узком переулке в Сололаках не появились арбы с редким и легким грузом.

Груз этот был, очевидно, настолько легкий, что арбы даже не скрипели под ним, а только чуть слышно погромыхивали, подскакивая на крупных камнях мостовой. Арбы были доверху нагружены срезанными обрызганными водой цветами. От этого казалось, что цветы покрыты сотнями крошечных радуг. Арбы остановились около дома Маргариты. Аробщики, вполголоса переговариваясь, начали снимать охапки цветов и сваливать их на тротуар и мостовую у порога. Когда первые арбы отъехали и вся мостовая была уже усыпана цветами,

на смену первым арбам появились вторые. Казалось, арбы свозили сюда цветы не только со всего Тифлиса, но и со всей Грузии...

Смех детей и возгласы хозяек разбудили Маргариту. Она села на постели и вздохнула. Целые озера запахов – освежающих, ласковых, ярких и нежных, радостных и печальных – наполнили воздух... С обеих сторон при входе в переулок уже собрались и шумели толпы. Люди глазели на непонятное зрелище... Никто не решался первым ступить на этот цветущий ковер, ходивший людям до самых колен...

Каких цветов тут только не было! Бесмысленно их перечислять!..

Взволнованная Маргарита, еще ничего не понимая, быстро оделась. Она надела свое самое лучшее, самое богатое платье и тяжелые браслеты, прибрала свои бронзовые волосы и, одеваясь, улыбалась, сама не зная чему. Потом она засмеялась, потом слезы появились у нее на глазах, но она не вытирала их, а только стряхивала быстрым движением головы. Слезинки разлетались от этого в разные стороны и долго еще горели на ее платье. Она догадывалась, что этот праздник устроен для нее...

В это время единственный человек, худой и бледный, решил переступить границу цветов и медленно пошел по цветам к дому Маргариты.

Толпа узнала его и замолчала. Это был нищий художник Нико Пиросманишвили. Где он только взял





столько денег, чтобы купить эти сугробы цветов? Столько денег! Он шел к дому Маргариты, прикасаясь рукой к стенам. Все видели, как навстречу ему выбежала из дома Маргарита – еще никогда никто не видел ее в таком блеске красоты, – обняла Пиросмана за худые, больные плечи и прижалась к его старому чекменю... Маргарита всем существом, всеми нервами, всей кровью, бившейся в ее теле, поняла силу его любви и впервые крепко поцеловала Нико в губы. Поцеловала перед лицом солнца, неба и простых людей – жителей тифлисского квартала Сололаки. Некоторые люди отворачивались, чтобы скрыть слезы. Все знали, что Пиросман любил Маргариту, но она совсем не любила его, а только жалела за его горькую и неудачную жизнь».

Книга Паустовского произвела на Вознесенского огромное впечатление. Впрочем, кого может оставить равнодушным эта история, созданная пером великого прозаика? Обыкновенный человек, услышав ее, утрет слезу. Необыкновенный поэт напишет «Миллион алых роз». А уж великая музыка Раймонда Паулса и проникновенное исполнение Аллы Пугачевой превратит бесхитростные (как картины Пиросмани) строки в шедевр.

И нет никакого желания объяснять, что у Пиросмани никогда не было ни дома, ни холстов, которые он бы мог продать...

Справедливости ради надо ска-

зать, что триумфальную судьбу песни «Миллион алых роз» не смог предугадать никто. Ни Паулс, ни Вознесенский не относились к ней серьезно. А Пугачева поначалу и вовсе не хотела ее петь – ей не понравились ни музыка, ни стихи. Но тут начались съемки телевизионного «Новогоднего огонька». Они проходили в цирке, и для Пугачевой поставили эффектный номер – под песню о бедном художнике она взлетала на трапеции под купол. Песня прозвучала в эфире и моментально завоевала сумасшедшую популярность.

Константин Кедров как-то спросил у Вознесенского: «Андрюша, а вот этот «Миллион алых роз» – это ведь по новелле Паустовского?». Андрей Андреевич, конечно, ответил с юмором: «Д-а-а-а, это Паустовский. Но если бы ты знал, сколько я заработал и как сложно мне было потом эти деньги потратить!»

\*\*\*

А знаете, если задуматься, то не найдется ни одного человека (вне зависимости от пола, возраста и социального положения), говорящего на русском языке, который не знает хотя бы двух строк из Вознесенского. Например, таких: «Я тебя никогда не забуду. Я тебя никогда не увижу». Или таких: «Миллион, миллион, миллион алых роз из окна, из окна, из окна видишь ты...»



## ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ



Ей было девятнадцать, ему – сорок семь.

Аня Вронская, студентка ВГИКа, пришла к известному поэту брать интервью. Она считала Вознесенского своим кумиром. А он – влюбился сразу.

Это был серьезный роман. В на-  
**С дочерью Ариной**



**Поэт, его дочь и внук Франческо-Андрей. 2009 г.**

чале 1980-х поэт и его возлюбленная сняли квартиру в доме на Плющихе в Москве.

В день Благовещения, 7 апреля 1983 года, в 23 часа 45 минут в роддоме имени Пирогова Аня родила девочку. Но ей сказали, что на тот день уже выполнен план по рождаемости, поэтому дату появления на свет обозначили 8 апреля.

Имя девочке дал отец: Арина. Он хотел, чтобы у них всех были одинаковые инициалы – АВ.

По сегодняшний день, вспоминая об отце, Арина непременно повторяет: «Было много яркого, того, чего не забудешь. Из незабываемых впечатлений – поездка с бабушкой и дедушкой в Грузию. Папа приехал к нам на целых две недели. Сказка! У меня есть куча фотографий той поры – мы все вместе на море. Мама, папа, я...»

Еще одна радость, случившаяся в Грузии...

## ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ



В 1984 году Андрей Вознесенский предварил свою книгу «Иверский свет», вышедшую в издательстве «Мерани», такими словами:

«Обращаюсь с книгой к грузинскому читателю. Видно, время пришло.

В 1980 году я последний раз был в залах мастерской Ладо Гудиашвили...

Сквозь уже просвечивающий прощальный силуэт его проступала темная живопись времен Тамары, птицы арт-нуво пели на вьюнках сладострастного орнамента, парижанки из кафе подмигивали Модильяни, узники офортов корчились на дыбах времени и озаренный молниенной графикой лик Пастернака принимал древнегрузинские черты.

Под стеклом, как реликвия в музее, стояла золотая кофейная чашечка, которой когда-то коснулись губы поэта.

Вдруг хозяева встрепнулись. Вошла экскурсия – видно, виноделы или чаеводы. Сняв плоские огромные кепки, заправив волосы под платки, они ступали по багратионовскому паркету, который помнил касание каблуков Пушкина и Грибоедова. Они ступали молитвенно, строго.

Иосиф Нонешвили, лучась добротой и детской доверчивостью, представил меня вошедшим. От группы отделилась женщина. «Я с Ингури, – сказала она. – Там, где березы...»

Двадцать лет назад я был на Ингури. Тогда еще выбирали место для ГЭС. Это была моя первая встреча с Грузией. Грузия ошеломила меня. Это совпало с первыми публикациями. Три стихотворения о Грузии соседствовали в «Литгазете» с описанием Василия Блаженного – главой из моей первой поэмы. Тогда же «Литературная Грузия» напечатала стихи о прапрадеде – грузинском мальчике, привезенном в Россию и посвятившем свою жизнь Муромскому собору.

Только через 20 лет вернулся я к этой теме. Написалась новая поэма. «Не я пишу стихи – они меня пишут». Круг замкнулся...

Для большинства русских поэтов традиционно светлое отношение к Грузии. Думаю, что поэзия моя не является исключением.

Люблю страсть современной грузинской культуры, которой аплодировали лондонцы, которая диктует незаземленность сегодняшним ее прекрасным поэтам, которая в поэтичном реализме нынешнего кино, в дерзости цвета и дизайна ее художников от Д. Какабадзе до З. Церетели, в мучительно скрещенных пальцах дома Минтранспорта, заломленных над дорогой к Мцхета...

Люблю камень Джвари, и горе тому, кто бросит этот камень...

Пройдем вместе со мною, мой читатель, по годам, от сегодняшних дней до собора начальной поры. Пусть гидом по ним будет грузинская фигура в одеянии прошлого века.

Добро пожаловать в стихи и жизнь русского поэта».

## НАДПИСЬ НА МОНУМЕНТЕ НА БОЛЬШОЙ ГРУЗИНСКОЙ

Остановись сегодня, путник,  
под деревом бессмертной речи.  
В ней обнялись Шота и Пушкин.  
Союз их вечен.

В года веселые и грустные  
нас судьбы общие взрастили,  
и золотые музы Грузии  
дружили с музами России.

## СТИХИ НА ТБИЛИССКОМ МОНУМЕНТЕ

Проезжий! Видя этот узел,  
глазами в небо устремясь,  
ты мысленно увидишь Грузии  
с Россией вековую связь.  
Пуускай летят автомобили  
и прижимают тормоза,  
затем чтоб люди не забыли  
поднять глаза на небеса.  
Судьба народная и чаянья  
обнимутся в небесной сини,  
как эти кольца обручальные  
на дружбу Грузии с Россией.  
Влюбленные, гуляя мимо,  
задумайтесь о заповедном,  
душою вспомните о Нине  
и Александре Грибоедовых.  
Хочу, чтоб автомобилистам  
путеводителем служили  
по узким улочкам Тбилиси  
Есенин и Бараташвили.  
Пусть юноши иных столетий,  
как мы сейчас, придут сюда,  
серебряные кольца эти  
примерит новая судьба.  
Коснитесь меди на рассвете,  
и вам ответит гул немедленно

московского, из той же меди  
воздвигнутого монумента.  
Венец, парящий над Москвою,  
здесь повторяется светло –  
как отражение двойное  
небесно сказанного «о».

\*\*\*

О Грузия! Ты – панорама,  
чем вековечен человек.  
Мужские хромосомы храмов  
и женская отвага рек.

## ЗОДЧИЕ РЕЧИ

!  
Народ, зодчий речи,  
творит себе памятник.  
Без паники!  
Куда нас зазвали  
волшебные шрифты  
на небо с асфальта  
ведущего лифта?  
Монтажники речи,  
поэты как будто,  
качают за плечи  
великие буквы.  
Меня взвейте в небо  
строительным краном —  
как буквицу,  
выпавшую из грамот!  
Вы были ли буквицей,  
взвитой над улицей,  
одетою в каску для безопасности?!  
Вершина качается речевая –  
людская печальница вечевая.  
И ветер рвет с плеч  
мою голову в каске.  
И Вечность разит  
коррозийною краской.

До Пушкина видно, до Киева даже...  
 О речь четырнадцатизэтажная!  
 Веревка и каска  
 и ноги предтечи.  
 Великая качка  
 заоблачной речи!  
 Стою на вершине,  
 случайная буква.  
 Мчит реамашина  
 безумною клюквой.  
 Простимся, Тишинка!  
 Ах, буквы рынка,  
 стручки –  
 как пуговицы в ширинке.  
 Внизу вечереет,  
 стоит за черешней,  
 гудит в чебуречных  
 народ, зодчий речи.  
 Народ – зодчий речи.  
 Мы – только гранильщики.  
 Во Времени вечном  
 Речь – наша хранилище.  
 Мы – буквы живые  
 в отпущенном сроке,  
 у высшего Пушкина  
 в сказанном слого.  
 Стоит он над нами,  
 презрев безопасность,  
 с цилиндром в руках,  
 что служил ему каской.  
 Над светскою чернью,  
 над сплетней усердной,  
 над околотитурною серью!  
 Великие ветры пронзают лопатки.  
 Он даже и летом  
 не снимет крылатки.  
 И, чувствуя силу,  
 что не программируется,  
 шепчу я: «Спасибо,  
 Речь, наша хранилище!»

II  
 С земли корректирует  
 медную ковкость  
 народ Маяковский,  
 И горло другого от выси осипло.  
 Не стойте под Словом,  
 чтоб вас не зашибло!  
 Не медь – матерьял  
 речевого состава –  
 людская печаль,  
 и мученья, и слава.  
 Зураб Церетели в комбинезоне,  
 как меч, целовал  
 эту медь бирюзовую.  
 А вы подымались,  
 где я подымался?  
 Где речь – опора,  
 а не туманность.  
 Не надо мне крана!  
 Как раньше провидцы,  
 сам в небо подтягиваюсь  
 рукавицами.  
 И с пушкинским профилем  
 спутник курчавый  
 кричал мне: «Попробуй!  
 Качает? Качает?»  
 Я лесенкой лез –  
 позвоночником Речи.  
 Народ Кузьмин  
 говорил мне: «Полегче!»  
 Кузьмин Михаил –  
 чародей Петербурга.  
 Кузьмин Алексей –  
 пишет по небу буквы.  
 Не смоете губкой,  
 не срезать резинкой  
 с небес эти буквицы  
 русско-грузинские.  
 Такого ни в Цюрихе,  
 ни в Семиречье –  
 покрашенный суриком  
 Памятник Речи.

Два века  
 Георгиевскому трактату.  
 А через два века  
 кто-то, когда-то,  
 прочтя наши впаики,  
 шепнет над гранитами:  
 «Спасибо за памятник,  
 Речь, наша хранительница!»  
 Взойдет и над ним  
 голубой позолотой  
 венец в виде «О»,  
 что венчает работу.  
 О небо! О вечность!  
 О трудные годы...  
 Народ – зодчий речи.  
 Речь – зодчий народа.

III  
 Что думаешь, Речь,  
 нам лица не показывая,  
 тяжелым венцом  
 над Москвою покачивая?  
 А может быть, это  
 в руке у Вечности  
 чуть-чуть покачивается  
 подсвечник?  
 Другая рука с непонятною силой  
 луну донцем к нам  
 как свечу наклонила.  
 Вставляйте в подсвечник  
 луну небосвода!  
 НАРОД – ЗОДЧИЙ РЕЧИ.  
 РЕЧЬ – ЗОДЧИЙ НАРОДА.

### **ТБИЛИССКИЕ БАЗАРЫ**

Долой Рафаэля!  
 Да здравствует Рубенс!  
 Фонтаны форели,  
 Цветастая грубость!  
 Здесь праздники в будни.  
 Арбы и арбузы.

Торговки – как бубны,  
 В браслетах и бусах.  
 Индиго индеек.  
 Вино и хурма.  
 Ты нынче без денег?  
 Пей задарма!  
 Да здравствуют бабы,  
 Торговки салатом,  
 Под статью баобабам  
 В четыре обхвата!  
 Базары – пожары.  
 Здесь огненно, молодо  
 Пылают загаром  
 Не руки, а золото.  
 В них отблески масел  
 И вин золотых.  
 Да здравствует мастер,  
 Что выпишет их!

### **ДВА ДВОРЦА В ЛИКАНИ**

Здесь жил великий князь Романов.  
 Поныне вспоминает сад  
 и замок в накладных румянах  
 его романа аромат.

Он пренебрег державным саном  
 во имя женщины простой.  
 Он рядом ей построил замок  
 над все смывающей Курой.

В халатах красных и ковровых  
 они прощались на заре.  
 И призрак сломанной короны  
 горел над ними на горе.

За это царь его чихвостил.  
 И останавливался бал.  
 И очарованный Чайковский  
 на подоконнике играл.

И попадаем мы невольно,  
идя из дома во дворец,  
в волшебное-силовое поле  
меж красных каменных сердец.

Пред этой силою влюбленной,  
что выше власти и молвы,  
за неимением короны  
снимаю кепку с головы.

### ГРУЗИНСКИЙ ХРАМ

У храма, где погода голубая,  
я деревце ореха посадил.  
«Тимотес, – повторяю я. – Убани,  
ты – самых синих фресок  
монастырь»

Я через год вернулся. Древо это  
растет наклонно, ствол переноса.  
Оно тянулось к фресковому свету,  
чей синий пересилил небеса.

\*\*\*

Опять, Ираклий Луарсабович,  
пошаливает биоритм.  
Ваш поздний свет  
в окошке за полночь  
о Лермонтове говорит.

Поручик юный, чтоб не мучились,  
прислал Вам деву горних мест.  
Ведь ответ лермонтовской Музы  
на самом деле в Джуне есть.

В ее угрюмости витает  
летучей Вечности огонь.  
На снимке тучка золотая  
венчает узкую ладонь.

### 15.IV.89

На несанкционированный митинг,  
повторяю, Пушкин бы пришел.  
Не прячьтесь в зонтики, как мидии!  
Разговор тяжел.

Мы не были людьми.  
Мы – мысли,  
которым поздно подождать.  
К несанкционированному  
самоубийству  
надежда подошла.

И женщины несанкционированные  
по улицам в гробах летят.  
Не петь им. Не варить сациви.  
Не мыть ребят. Их нет, ребят.

Шел дождь. Не вышло на Арбат  
несанкционированное солнце.  
Тревога мы, мы – снег в дожде.  
Свою тревогу ждали сконце-  
нтрированные МВД.  
Несанкционированный социум  
желает знать – что, когда, где?

И газа формула носилась  
по вышедшим из нас умам  
Губами не произносилась.  
Но ее каждый понимал.

Несанкционированная тревога.  
Вандеи пробы?  
Несанкционированному Богу  
несанкционированные просьбы.

Брось в воздух убиенным розы.

Кто убивал их – сарацины?  
Промокшими полон Арбат.



Слезы несанкционированные,  
что в горле у страны стоят.

### СОРОКОВОЙ ДЕНЬ

Служи молебен, Сакартвело,  
сороковой.  
Я вижу души женщин в белом  
над головой.

Не я убил их, безответных,  
но страшно мне,  
что их убил мой соотечественник  
в родной стране.

Не в Чили это послучилось.  
Ком в горле встал.  
Тот газ, на вид слезоточивый,  
нас всех достал.

Я видел – Пушкин потрясенный,  
цилиндр содрав,  
на митинг наш неразрешенный  
шел сквозь солдат.

От академика до троечника  
мы ищем газ  
с формулой антиперестроечной.  
Он ищет нас.

Где формула дубин резиновых,  
что против свеч?  
Лежат под флагами грузинскими,  
чья участь – лечь.

Свечи, раздавленные гусеницами,  
и детский взгляд –  
в неугасимых душах Грузии  
вечно горят.

\*\*\*

Абхазия – как Ориноко,  
Зеленая на голубом.  
Гуляет парень одинокий.  
Что ищет он в краю родном?

Его не занимают музы.  
Чего он ищет, золотой?  
– Автомат системы «Узи»,  
будто в «Узи» есть покой.

### МОЙ ПРОЕКТ ПАМЯТНИКА ЖЕРТВАМ РЕПРЕССИЙ

Ни пирамиды Хеопса.  
Ни пантеоны Рима.  
Вижу огонь, пульсирующий  
над городом на виду.  
Каждую пусть секунду  
загорается новое Имя.  
30 миллионов секунд в году.

3 марта в полночь  
зажжется секунда Табидзе,  
в 9.15 молнией  
мигнет Мандельштам,  
крестьянин Ребров секундой успеет  
перекреститься,  
и шестилетняя Даша  
секунду будет дышать.

Я вижу этот памятник  
не в пространстве –  
во времени.  
Мемориальный будильник –  
будящий монумент.  
Пускай, хотя бы секунду  
побудет Берггольц  
беременной.  
Мильон секунд безымянных  
прольется дождем комет.

Пусть по секунде Даши  
самолеты сверяют скорости.  
Пускай грядущую сволочь  
предостережет пример.  
Я хочу поставить памятник  
не во времени,  
в совести.  
Счет идет на секунды.  
Совесьть – секундомер.

### **ЭКСПРОМТ НА НЕБЕСАХ В ЮБИЛЕЙ ИРАКЛИЯ АБАШИДЗЕ**

Судьба поэта –  
схожая с игральнойю...  
Три дня погоды небо не дает.  
Сказал я небу: «Я лечу к Ираклию!»  
И небо пропустило самолет.

*Небо Москва – Тбилиси  
22 ноября 1979 г.*

### **ТБИЛИСИ**

Свист шоссе – как лассо  
над моей головой.  
Тбилисо, Тбилисо,  
огневой, гулевой!  
Блеск монист, медяков,  
плеск вина о края,–  
Медико, Медико,  
это пляска твоя.  
Мчались горы в огнях –  
как лотки с курагой.  
Ты мне губы впотьмах  
оцарапал серьгой.  
Как срываются вниз  
водопады, звеня,  
ты девчонкой повис  
на груди у меня...

Но стучат далеко  
к колесу колесо:  
Медико, Медико...  
Тбилисо, Тбилисо...

### **ВАЛЬС**

Далеко-далеко,  
где Шарло де Лакло  
зачитался «Опасными связями».  
Далеко-далеко,  
там, где стиль Арт-деко  
сочетался с этрусскими вазами.  
Далеко-далеко,  
где туман – молоко  
под лиловыми русскими вязами...  
Где моя Медико?  
В холодящем трико,  
босоножки с грузинскими стразами?  
Далеко? Ого-го!  
На служебном аргю  
ты с наркотиками повязана.  
Если нету Клико,  
коньячку полкило  
за успех всенародный и кассовый!  
Не легко? Не легко.  
Что на сердце легло,  
никому никогда не рассказывай.

### **В ГОРАХ**

Здесь пишется, как дышится,–  
Взволнованно, распахнуто,  
Как небосводам пишется  
И как звенится пахотам.  
Здесь кручи кружат головы,  
И жмурятся с обочины,  
Как боги полуголые,  
Дорожные рабочие!  
И девушки с черешнями

И вишнями в охапке –  
 Как греческие, грешные  
 Богини и вакханки.  
 Носы на солнце лупятся,  
 Как живопись на фресках.  
 Здесь пишется – как любитя,  
 Взволнованно и дерзко.

### ГОРНЫЙ РОДНИЧОК

Стучат каблочки,  
 как будто копытца,—  
 Девчонка  
 к колонке  
 сбегает напиться.  
 И талия блещет  
 увертливой змейки,  
 и юбочка плещет,  
 как брызги из лейки!  
 Хохоchet девчонка  
 и голову мочит.  
 Журчащая челка  
 с водою лопочет.  
 Две чудных речонки.  
 К кому кто приник?  
 И кто тут  
 девчонка?  
 И кто тут  
 родник?

### ТУЛЯ

Кругом тут и туля.  
 А что такое Туля?  
 То ли турчанка –  
 тонкая талия?  
 То ли речонка,  
 торная, талая?  
 То ли свистулька?  
 То ли козуля?  
 Туля!

Я ехал по Грузии,  
 грушевой, вешней.  
 Среди водопадов  
 и белых черешен  
 чинары, чонгури,  
 цветущие персики  
 о маленькой Туле  
 свистали мне песенки.  
 Мы с ней не встречались.  
 И все, что успели,  
 столкнулись – расстались  
 среди Руставели...  
 Но свищут пичуги  
 в московском июле:  
 туит –  
 ту-ту –  
 туля!  
 Туля! Туля!

### ПИЦУНДА

*3. Церетели*

Пирсов цепкие пинцеты  
 и пунцовые девицы.  
 На пицундовское лето  
 Сосен падают ресницы...

### ГРУЗИНСКИЕ ДОРОГИ

Вас за плечи держали  
 ручищи эплетов.  
 Вы рвались и дерзали,  
 гусары и поэты!  
 И уносились ментики  
 меж склонов-черепак.  
 И полковые медики  
 копались в черепак.  
 Но оставались песни.

Они, как звон подков,  
взвивались в поднебесье  
до будущих веков.  
Их горная дорога  
крутила, как праща,  
и к нашему порогу  
добросила, свища.  
И снова мертвой петлею  
несутся до рассвета  
такие же отпетые –  
шоферы и поэты.

## АНДРЕЙ ПОЛИСАДОВ ИСТОРИЯ

### ПРОЛОГ

Взойдя на гору, основав державу,  
я знал людскую славу и разор.  
В чужих соборах мои кони ржали –  
настало время возводить собор.  
Немало в жизни видел я чудовищ.  
Они пойдут на каменный узор.  
Чтоб было где хранить  
  потомкам овощ,  
настало время возводить собор.  
Меж правого и левого базара  
я оставался все-таки собой.  
В Архитектуре главное, пожалуй,  
не выстроить, а выстрадать собор.  
Начало будет в Муроме покамест,  
Казбек от его звона задрожит.  
Положен во главу лиловый камень.  
Под этим камнем человек лежит.  
«Ваш прах лежит  
  второй за алтарем», –  
сказал мне краевед Золотарев.

*В лето семь тысящ шесть десят  
первом году Го-  
сударь и Великий князь Иоанн Ва-  
сильевич IV всея Ру-*

*син приде во град Муром и моляте-  
ся в первоначаль-  
ной церкви Благовещения (деревян-  
ной), помощи прося  
со слезами: «Аще град Казань возь-  
му, аз повелю здъ  
устроить храм каменный Благове-  
щения». Государь  
Казань взял и того же году, в лето,  
прислал в Муром  
каменщиков.*

*«Житие Константина, Феодора и  
Михаила, муромских чюдотворцев»  
(древнерусская повесть XVI в., со  
списка, хранящегося в Муромском  
музее, к-7165, мм-30152).*

*...собор основан в 1555 г. близ бе-  
рега Оки. Называ-  
лось же место это Посадам. В па-  
мять пребывания в  
соборе в 1812 г. Московской иконы  
Иверской Б М ус-  
тановлено празднество каждодогдно  
10-го сент. с  
крестным ходом от храма вокруг  
всего города.  
Из описания А. Полисадова,  
мая 31 дня 1887 г.*

*Икона Иверской божьей матери  
(Иверия – Грузия)  
в 1652 г. привезена в Россию из  
Иверского монастыря,  
основанного в X в. братьями Багра-  
тидами Иоанном и  
Евсимием.  
(См. Брокгауз и Ефрон.)*

I  
 Кто ты родом, Андрей Полисадов?  
 Почему, безымянный заложник,  
 малолетнее чадо,  
 привезен во Владимир с Кавказа?  
 Значит, надо. В архивах не сказано.  
 (Шла война. Хватали невинных.  
 и Царевич бежал к безбожникам.)\*  
 Его спешно усыновили,  
 дали имя: Андрей Полисадов.  
 Домом стал собор на Посаде.  
 «Кто я?! Кто?!» – взвоят выросший  
 ссыльный.  
 Утешает собор его: «Сын мой...»

II  
 «Господи, услышь меня,  
                                 услышь мя, господи!..  
 На границе Горьковской  
                                 и Владимирской области  
 я стою без голоса,  
                                 в неволю отданный,  
 родина, услышь меня,  
                                 услышь мя, родина!  
 Назови по имени,  
                                 пошли горных коз пасти.  
 Ты ж сама без голоса.  
                                 Услышь ее, господи...»  
 И летят покойники и планеты  
                                 по небу –  
 «кто-нибудь услышь меня,  
                                 услышь мя кто-нибудь... »  
 Это ж твой ребенок,  
                                 ты ж не злоумышленник.  
 Мало быть рожденным,  
                                 важно быть услышанным.  
 Иверская мать,  
                                 плачь по мне, Иверия!

Я – последний верящий  
                                 посреди безверия.  
 Смыслы всех мятежников,  
                                 взрывы современщины:  
 «Женщина, услышь меня,  
                                 услышь мя, женщина...»  
 «Это я, господи!  
                                 Услышь мя, господи!»  
 В эру после Горького  
                                 и Маяковского  
 ты кричишь мне, нищая,  
                                 в телефонной хижине:  
 «Господи, услышь меня!  
                                 Господи, услышь меня!»  
 И тебе история вторит  
                                 фразой горскою:  
 «Господи, услышь меня,  
                                 услышь мя, господи... »

III  
*Полисадов Андрей (Алексий), год  
 окончания  
 1834, по 1-му разряду, 5-му номеру,  
 1836 – свящ.  
 с. Шиморского, 1866 – Москва, 1-го  
 класса, Новоспас-  
 ский монастырь, 1882 – Благове-  
 щенский Муромский  
 монастырь.  
 Малицкий Н. В., «История Влади-  
 мирской  
 духовной семинарии» (выпуск 2-й).*  
*С 1882 г. Благовещенский сосор  
 управлялся архи-  
 мандритами  
 (первым был Полисадов).  
 Травчатов Н. В., «Город Муром и*

\* «Грузинский Царевич Александр Баграт через Турцию бежал к шаху» (Дубровин Н., «История войны и владычества русских на Кавказе», СПб, 1886. – Из библиотеки Полисадова)





У любви нет опыта,  
нету прегрешения,  
только целомудренность отношения.

V

*«Нет ли в ризницах церковных старинных омофоров, саккосов, фелоней, епитрахилей, палиц, стихарей, орарей, мантий и власяниц? Старинных, шитых золотом и цветными камнями воздушков, убрусов, хоругвей и плащаниц?» «Нет. Кроме четырех княжеских шапочек. Они малинового бархата, шиты золотом и серебром».*  
*Из рукописных ответов архимандрита*

*А. Полисадова на вопросник Академии художеств, мая 31 дня 1887 г.*

Сохранилась соборная опись.  
Почерк в усиках виноградных  
безымянного узника повесть  
заплетал на фасад и ограды.

«8 старых опор. 8 поздних.  
Консультировал Барма Посник»\*  
И ложился в архив синодальный  
Муром с привкусом цинандали.  
«Пол чугунный и пол деревянный,  
называю вас, сам безымянный!»  
Византийские ризы расшили  
птицы будущего Гудиашвили.  
В этом перечислении скорбном,  
где он пел золотую тюрьму,  
я читал восхищенье собором

и неясные счета к нему.

«Не имеются ли мощи изменников?  
Сколько окон? Живая ль вода?»

«Не имеется.

Жизнь – одна».

«Матерь Иверская, икона,  
эвакуированная от Наполеона,  
мы судьбой с тобой схожи, товарка.  
Так же будешь через столетье,  
нянча сына, глядеть в лихолетье  
из проема в вагоне товарном.

Когда край мой с моей колокольни  
возвещает печаль и успехи,  
из второй моей родины, горной,  
через час возвращается эхо.

Кто ты родом,  
костыль палисандровый?»

Помолись за меня, Полисадов...

«Я молюсь за царя Александра,  
что когда-то лишил меня имени.

Тяготят теперь имя и сан его.

Хочет он безымянную схиму.

Спор решает душа, не топор».

«Да, отец», – отвечает собор.

Так толкуют в своем разладе  
дух смиренный и дух злорадный:

«Погоди, собор на Посаде!»

«Подожду, Андрей Полисадов».

Как сейчас они сходны судьбою!

Человек, одинокий в соборе,

и собор, одинокий в истории,

и История – в мертвых просторах.

Завитую пожарскую чашу\*

оплетал виноград одичавший.

Завитком зацепилась усятым

\* «Ступенчатый трюмп колокольни свидетельствует о том, что в Муроме работали Барма, Посник или кто-либо из членов их артели» (Н. Н. Воронин, сборник работ, Л., 1929).

подпись бледная: «Полисадов».

#### VI

Почему он бежать не пытался?  
 Не из страха ж или конвоя?  
 Полюбил он лес за Окою,  
 это поле с немым укором,  
 где тропинка – прямым пробором,  
 как у всех его прихожанок.  
 Полюбил он хмурую паству,  
 русских узников государства.  
 Утешая печалей толпы  
 в двух церквах, холодной и теплой,  
 разделенных стеной допотопной,  
 вдруг он понял, что в них нуждался,  
 в них он большую боль увидел,  
 чем свою. И для них остался.

Ежедневно он шел к ограде,  
 в пояс кланяясь эху фасадов:  
 «Добрый день, собор на Посаде».  
 «Добрый день, Андрей Полисадов».  
 Обмирала со свечкой школьница –  
 глаза странные, золотые...  
 Это первое чувство молитвы!  
 Он ее ощущал затылком.  
 Он томился перед собором,  
 золотым озаренный взором.  
 Но когда совратитель исподволь  
 прошептал ему что-то площадно,  
 он избил его среди исповеди,  
 сломал посох и крикнул: «Прощаю!»  
 После сутки лежал на плитах.  
 Не шутите с архимандритом!

#### VII

Подари мне милостыню,  
 нищая Россия,  
 далями холмистыми,  
 ношей непосильной.

Подвези из милости,  
 грузовик бродячий,  
 подари мне истину: бедные – богаче.

Хлебом или небом  
 подарите милостыню,  
 ну, а если нету,  
 то пошлите мысленно.

Те, над кем глумились,  
 нынче стали истиной.  
 Жизнь – подарок, милостыня.  
 Раздавайте милостину!

Когда ты одета  
 лишь в запах сеновала,  
 то щедрее это платьев Сен-Лорана.

#### VIII

*В 1979–80 гг. реставрированы интерьеры и колокольня ныне действующего Муромского Благовещенского собора.  
 Из ведомости.*

Реставраторы волосатые!  
 Его дух вы стремитесь вызвать.  
 Голубая тоска Полисадова  
 в ваши пальцы въелась, как известь

\* «Чаша водосвятная красной меди, под рукоятью вычеканены слова: «Лета 7147 июля 17-го сию чашу очищения приложил для Благовещения пресвятой богородицы, что в Муроме на Посаде, боярин князь Дмитрий Михайлович Пожарский» (из ответов А. Полисадова). Сейчас чаша эта экспонирована в Муромском музее. Полисадов ошибся, она из сплава олова.

Эти стены – посмертная маска  
с его жизни, его печали –  
словно выпуклая азбука,  
чтоб слепые ее читали.

Муромчанка с усмешкой лисьей  
мне шепнула, на свечку дунув:  
«Новый батюшка – из Тбилиси».  
«Совпадение», – я подумал.

Это нашей семьи апокриф  
реставрировался в реальность.  
Не являюсь его биографом,  
но поэтом его являюсь.

Эхо прячется за колонною,  
словно девочка затаенная.  
Над строительными лесами  
слышу спор былых адресатов:  
«Погоди, собор на Посаде!»  
«Подожду, Андрей Полисадов».

#### IX

Реставрируйте купол  
в историческом кобальте!  
Реставрируйте яблоню  
придорожную в копоти.

Реставрируйте рыбу  
под мазутными плавнями,  
Возвратите улыбку  
на губах, что заплакали.

Возродите в нас совесть  
и коня Апокалипсиса.  
Реставрируйте новое,  
что живое пока еще!

Что казалось клиническим  
с точки зренья приказчика,  
скоро станет классическим,  
как сегодня Пикассо.

Чистый вздох стеклодувши  
из глуши гусь-хрустальной

задержался в игрушке  
модернистки кустарной,

чтобы лет через тыщу  
реставратор дотошный  
понял вечную душу  
современной художницы.

#### X

Он остался в архивах царевых,  
в подсознание Золотарева.  
Он живет по Урицкого, 30.  
В доме певчие половицы.  
Мудр хозяин, почти бесплотен,  
лет ему за несколько сотен.  
Губы едкие сжаты ниточкой.  
Его карий взгляд над оправой,  
что похожа на чайное ситечко,  
собеседника пробуравит.

Пимен нынешний – не отшельник,  
я б назвал его пимен-общественник.  
Он спасает усадьбу Некрасова,  
окликаая людей многократно  
от истицы Истории имени.  
Бескорыстно-районные пимены!  
Боли, радости, вами копимые,  
ваша память – народная совесть.  
Я ему рассказал свою повесть.

«Полисадов?» – он спросит ехидно,  
лба морщины потрет, словно книгу.  
И из недр его мозга с досадой  
на меня глядел Полисадов.

Профиль смуглый на белом соборе,  
пламя темное в крупных белках,  
и тишайшее бешенство воли  
ощущалось в сжатых руках.  
(Вот таким на церковном фризе,  
по-грузински царевровом,  
в ряд с Петром удивленной кистью

написал его Целебровский)  
 Но не только в боренье с собою,  
 посох сжав, побелела рука –  
 в каждодневном боренье  
 с собором.

Он в нем с детства видел врага.  
 В нем была бы надменность  
 и тронность,  
 если бы не больные глаза  
 и посадки грузинская стройность,  
 что всегда отличала отца.

«Что тебе, бездуховный отпрыск?» –  
 как бы спрашивал хмурый образ.  
 Но материализм убеждений  
 охранял меня от привидений.  
 Молодая жена Валентина  
 чай подаст и уложит сына.  
 Долг спор об усадьбе Некрасова  
 и о том, что история – классова.

XI

Как Россия ела! Семга розовела,  
 луковые стрелы, студень оробелый,  
 красная мадера в рюмке запотела,  
 в центре бычье тело  
 корочкой хрустело,  
 синяя чурчхела, крабов каравеллы,  
 смена семь тарелок –  
 все в один присест,  
 угорь из-под Ревеля –  
 берегитесь, Ева! –  
 Ева змея съела, яблочком заела,  
 а кругом сардели  
 на фарфоре рдели,  
 узкие форели в масле еле-еле,

страстные, как свирели,  
 царские форели,  
 стейк – для кавалеров,  
 рыбка – для невест,

мясо в центре пира,  
 а кругом гарниры –  
 платья и мундиры, перси и ланиты,

а кругом гарниры – заливные нивы,  
 соловьи на ивах,  
 странники гонимые,

а кругом гарниры –  
 господи, храни их! –  
 сонмы душ без имени... –  
 позабывши перст,

ест дворянский округ,  
 а в окошках мокрых  
 вся Россия смотрит, как Россия ест.

XII

Я твою читаю за песнью песнь:  
 «Паче всех человек окаянен есмь».  
 Для покорных жен,  
 для любовных смен  
 паче всех человек окаянен есмь.  
 Говорящий племянник зверей и роц,  
 я единственный в мире  
 придумал ложь.  
 Почему на Оке от бензина тесмь?  
 Паче всех человек окаянен есмь.  
 Опозорен дом, окровавлен лес,  
 из истории стон, из Гайаны – весть,  
 но кто кинет камень,  
 что чист совсем?  
 В одного камнями кидают семь.  
 Но, отвергнув месть,  
 как пройдя болезнь,  
 человек за всех покаянен есть –  
 ставя храм Нерли, возводя Хорезм,

человек за всех осиянен есмь.  
Почему ж из всех обезьян, скотин  
осиянен есмь человек один?  
Ибо «Песней песнь» –

человечья песнь.

Человек за всех богоявлен есмь.

### XIII

Это было в марте,  
в вербном шевелении.  
«Милый! окрести меня,  
совершеннолетнюю!

Я разделась в церкви –  
на пари последнее  
Окрести язычницу  
совершеннолетнюю.

Я была раскольницей,  
пьянью, балериной.  
Узнаешь ли школьницу,  
что тебя любила?

Голым благовещеньем  
с глазами янтарными  
первая из женщин  
я вошла в алтарную.

От толпы спасут меня  
сани шевролетные...  
Милый! окрести меня,  
совершеннолетнюю!

Я люблю твой голос,  
щеки в гневных пятнах,  
Буду годы, годы тайная жена твоя.

На снегу немислимом,  
схваченная платьем,  
встану с коромыслом –  
молодым распятем!

Я пришла дать волю  
и раскрепощенье.  
Я тебя простила, слепой священник.

Как отвратен в инее  
город вермишелевый...  
Милый! окрести меня,  
совершеннолетнюю!

Завтра в шали черной  
вернусь грех отмаливать.  
Врежется в плечо мне  
перстень твой эмалевый.

«Любишь! любишь! любишь!» –  
прочту во взорах...»  
Содрогнулось чудище  
темного собора.

### XIV

*В 1882 г. чугунный пол заменен на  
деревянный,  
щитовой, главы и кровля покрыты  
железом и окраше-  
ны медянкой, в северной стене про-  
бита арка для  
соединения храма с теплой церко-  
вью, связи в стенах  
железные, клиросы отделены двумя  
позолоченными  
киотами, стены заново покрыты жи-  
вописью.*

*Из описания Полисадова.*

*...были заподозрены в разброске  
прокламаций  
два послушника Благовещенского  
монастыря.*

*Из «Донесения Начальника Влади-  
мирского губернского жандарм-  
ского  
Управления».*

Он случившимся тяготился,  
золотой заложник истории!  
В середине шестидесятых  
он от дел мирских удалился.  
Сбросил имя. Стал Полисадов  
настоятелем Алексием.  
Настоятель был прогрессивен.  
Сгоряча собор перестроил.  
Церковь теплую свел с холодной  
аркой циркульной, бесколонной,  
полстены проломив при народе.  
Арка ахнула переходная,  
как глубокий вздох о свободе!  
А над аркой, стену осиял,  
повелел написать Алексия.  
И сказал, как в зеркало глядя:  
«Чья взяла, собор на Посаде?»»

Задержалось эхо с ответом.  
Человек расквитался с историей.  
Он стоял, свободы отдавая.  
Он казался себе Егорием  
с пятиглавою аллегорией.  
Был он воин. Он был мужчина.  
Распрямилась жизни пружина.  
Звал художников.

Знался с Уваровой.  
Своим весом спасал арестованных.  
Например, когда пару монахов  
(Агафангела и Епимаха)  
обвинили в расклейке листовок.  
Было страху!  
Революция только заваривалась.

Но уже завезли в ограду  
камень редкого Лабрадора  
цвета выцветшего граната –  
камень с именем «Полисадов».  
И Уварова губы кусала.  
И вздохнуло эхо фасадов:  
«Чья взяла, Андрей Полисадов?»  
Похоронен он у собора  
на Посаде.

## XV

Чья ты маска, Андрей Полисадов?  
дух мятежный семьи Багратов?  
друг и враг шамхала Тарковского?  
христианский варьянт мюрида?  
на соборной стене осадок?  
Золотой мотылек бестолковый  
залетел на твой светоч адов.  
Ты в миру Андрей Полисадов,  
а до мира, а после мира?  
Смысл бессмертный и безымянный,  
что хотел ты а земных временках,  
став Андреем и Алексием?  
Почему из людского стада  
духи Грузии и России  
тебя выбрали, Полисадов?  
Почему против воли пиита  
то анафемою, то стоном  
голос муромского архимандрита,  
словно посох, рвет микрофоны?  
И влечет меня, и влечет меня  
что-то горнее, безотчетное,  
гул низинный вершин грузинских...  
Может, мне Каландадзе кузина?

## XVI

Ты прости мне, Грузия,  
что я твой подкидыш.  
Я всю жизнь по глупости промолчал.  
Как примешь?

Бьется струйка горная  
в мою кровь равнинную.  
Но о крови вспомним мы,  
только в грудь ранимые.

Вот зачем отец меня  
брал на ГЭС Ингури,  
где гора молитвенна, как игумен.

Эта кровь невольная  
в моих темных жилах

вместо «вы» застольного  
«мы» произносила.

«Наши!» – говорю я,  
ощущая пульсом,  
как мячи пульсируют  
в сетку ливерпульцам.

«Это наши пропасти,  
где мосты мизинцами,  
это наши прописи  
рыцарства грузинского.

Может, есть отдельные  
короли редиса,  
но делился витязь  
шкурою единственной

с Александром Сергеевичем,  
Борисом Леонидовичем,  
тер щекой сердечную  
мокрые ланиты.

Вновь ночные фары –  
может, мои кровинки –  
на горе рисуют полосы тигровые».

И какой-то тайною целомудренной  
тянет сосны муромские  
к пицундовским.

## XVII

Когда сердце устанет от тины  
или жизнь моя станет трудней,  
календарь на часах передвину  
на тринадцать отвергнутых дней –  
перейду из Пространства во Время,  
где Ока и тропинка над ней.

И тогда безымянный заложник  
выйдет в сумерках на косогор,

как слепую белую лошадь,  
он ведет за собою собор.

И, обнявши за белую шею,  
что-то шепчет на их языке –  
то, о чем рассказать не сумею.  
А потом они скрылись к реке.

## ЭПИЛОГ

Мой муромский мюрид,  
простимся, мой колодник!  
Я обещал собор.

Я выстрадал собор.  
Меж теплой стороной  
и стороной холодной  
сквозит в стене дыра,  
пробитая тобой.

Я говорю с тобой из теплого собора.  
Зачем второй раз жить?

А первый раз зачем?  
Лампадкой ты горишь  
в мозгу Золотарева,  
в мозгу моих друзей,  
читателей поэм.

Любая жизнь – собор.  
В моей – живые башни.

Одну зову я «Ты»,  
другую – «Родион»,  
и безымянный звон  
ад башней самой зряшной,  
собор – не Пантеон.

Распущен мой собор  
на волю, за грибами.  
Горюют, пьют, поют.

Назначен в сердце сбор.  
Одна из башенок  
мотор разогревает.  
Все это мой собор.





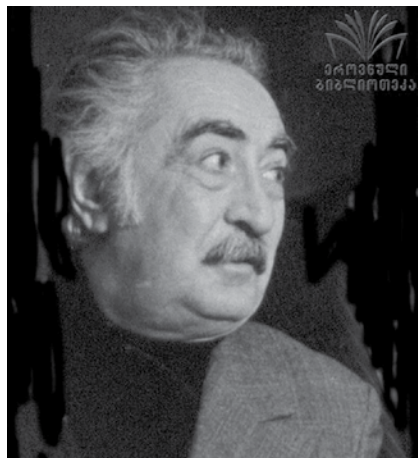
## ИЗБРАННЫЕ ПЕРЕВОДЫ



### КЛАДБИЩЕ ГРУЗИНСКОГО ШРИФТА (Из Реваза Маргиани)

Много в жизни мемориалов.  
Но одна меня мучит тризна.  
Где-то в памяти затерялось  
кладбище  
грузинского шрифта.

В горьком мае сорок второго  
над огнем,  
отступая,  
наскоро,  
нам вручили приказ  
похоронный:  
закопать  
грузинскую азбуку.



Весь состав  
фронтальной газеты,  
над отцовской могилой будто,  
мы,  
наборщики и поэты,  
хоронили  
грузинские буквы.

О язык мой грузинский,  
милый,  
никогда я тебе  
не был пасынком.  
Как мы рыли тебе могилу!  
Хоронили грузинскую азбуку.

Сто локтей  
мы тебе отсчитали  
в неподатливой  
почве крымской.  
Сто столетий  
тебя читали –  
твои звонкие очертанья...

У, война,  
чтоб ты сдохла,  
грымза!  
Как разбойник хоронит слитки,  
или в землю кладут товарища,  
мы свинцовые слезы  
шрифта  
предавали  
земному кладбищу.

Для того ли  
творяют молитвы  
на тебя,  
избегая кривды, –  
чтоб в могилу  
лег алфавитный  
стройный строй  
грузинского шрифта?

Я из ящика  
 шрифт изящный  
 в зев могильный  
 высыпал сверху  
 и услышал вдруг  
 леденящее  
 надо мною  
 подобье смеха.

В чьих пространствах  
 потом ни буду –  
 вдруг слеза  
 полоснет,  
 как бритва, –  
 мне сквозь землю  
 проступят  
 буквы  
 погребенного мною  
 шрифта.

И сейчас,  
 как в поту холодном,  
 я пишу,  
 тру слова резинкой, –  
 как мы часто  
 тебя хороним,  
 мой любимый  
 язык грузинский.

Как мы часто  
 тебя хороним,  
 забывая,  
 чураясь словно –  
 возлюбленное,  
 коронное,  
 искреннее  
 слово!

В мае  
 сорок второго года  
 мы тебя  
 хоронили в яме...

Соловьиные  
 твои восходы  
 после нас  
 прозвенят  
 над нами.

### **СО ВСЕМИ И СОВСЕМ ВДВОЕМ (Из Иосифа Нонешвили)**

Когда мы руки обовьем,  
 и рядом локоны твои,  
 и сердце ходит ходуном, –  
 сердцебиение земли  
 в сердцебиении твоём!  
 В нем бури голос обрели,  
 в нем бьет разбуженный прибор,  
 стучат колеса вразнобой,  
 тамтамов танец огневой  
 и сборщица бушуют в нем,  
 и я – с тобой и – не с тобой –  
 со всеми  
 и совсем вдвоем!

Когда я с музью вдвоем,  
 я, от волненья онемев,  
 пишу под аккомпанемент  
 деревьев, птиц. И горный гром  
 в оконный ломится проем.  
 Поэзия, как водоем,  
 питается из родников,  
 ручьев и горных ледников.  
 Стихи диктует жизнь сама.  
 И девочка из Самоа,  
 как будто искорка, смела,  
 бежит по проволоке строк.  
 И ты, египетский стрелок,  
 и ты, горийский агроном,  
 и вы – Бенгалии огни,  
 вы – строки в творчестве моем.



О, сколько у меня родни!  
 О, нет, мы с музой не одни –  
 со всеми  
 и совсем вдвоем!

Когда передо мною зал,  
 огромное полукольцо,  
 и сумрак крылья разметал,  
 и сотни глаз со всех концов,  
 и как на белизне страниц  
 из букв сливаются слова,  
 так сотни люстр и сотни лиц  
 в одно сливаются лицо –  
 в твое лицо, в его овал.  
 И тает мрак, и зал пропал.  
 Я снова говорю с тобой,  
 с твоей любовью и судьбой,  
 с твоим застенчивым огнем.  
 И мы с тобой, с одной тобой –  
 со всеми  
 и совсем вдвоем!

## ВСТРЕЧА (Из Иосифа Нонешвили)

Мулк Радж Ананду  
 Над нами шатались  
 бананы Бенгалии  
 и небо пылало  
 бенгальским огнем.  
 Мы ехали.  
 Дали, дымясь, пробегали,  
 и не было влаги в дыханье земном.  
 Воды я прошу,  
 точно роща, прохладной  
 и вижу улыбку во взгляде твоём:  
 «Прости меня, друг,  
 у нас нет винограда,  
 чтоб я по-грузински вас встретил  
 вином».  
 И ты мне раскрыл  
 сердцевину кокоса –  
 сверкнула прохладою пара пиал.  
 Я губы мочу  
 этой влагой роскошной,  
 и шелест деревьев  
 по мне пробежал.  
 Я пью не кокос –  
 пью бенгальские росы.  
 Я пью не кокос –  
 пью из гангских глубин.  
 Навек породнили нас чаши кокоса,  
 мы братьями стали,  
 индус и грузин.  
 Я пью.  
 И мечта окрыляет мне душу –  
 мы встретимся снова, как братья в  
 семье.  
 Вовек не сойдутся  
 Казбек с Гиндукушем,  
 но сходятся люди  
 на этой земле.  
 И вот вы в Москве.  
 Вас приветствует город

от вашей Калькутты за тысячи миль.  
 Я слышу –  
 на гордом  
 наречье Тагора  
 звучит громогласное:  
 «Братство и мир!»  
 Я жму тебе руку, как кровному бра-  
 ту.  
 Пойдем –  
 покажу тебе нашу страну.  
 Тебя проведу по дорогам  
 горбатым,  
 грузинские двери тебе распахну.  
 Тебе покажу высочайшие чащи,  
 журчащие реки  
 и тропы вразброд.  
 У крепости Гори  
 поднимем мы чаши,  
 и Черное море  
 прохладой пахнет.  
 Взгляни на цветущие наши колхозы,  
 на буйство откосов  
 в наряде цветном.  
 Прости меня, друг.  
 У нас нету кокоса.  
 Я вас по-грузински  
 встречаю вином.

**АХ, ЕСЛИ БЫ...**  
**(Из Иосифа Нонешвили)**

Тыходишь в залу павою  
 на паре каблучков,  
 украшенная парюю  
 гишеровых зрачков.

Бровей роскошных пара  
 горит на лбу твоём.  
 И губы – как пожары.  
 Им хорошо вдвоем.

Их дружное соседство  
 тебе судьбой дано.  
 Так почему же сердце –  
 одно,  
 одно,  
 одно?!

Ах, если бы ему  
 стать парюю моему!

**АЛАЗАНСКИЙ КАНАЛ**  
**(Из Иосифа Нонешвили)**

Зарубцевавшеюся раною  
 пролег канала старый след.  
 Мне горец песнею гортанною  
 поет о драме прошлых лет.

Мне из кошмарного тумана  
 тот древний видится канал.  
 Его задумала Тамара.  
 Над ним Гомбори колдовал.

Трудились люди неустанно,  
 себя работою губя.  
 И шли не трассой котлована –  
 путем спасенья для себя.

На землю рухнула тиара.  
 Блеснули молнии в лесах.  
 Стояла юная Тамара  
 ошеломленная, в слезах.

Крутилась пена кровавая.  
 Рыдали женщины навзрыд.  
 Канал вздымался, проклиная  
 тот час, в который он прорыт.

Он и сейчас как усыпальница  
 трудом загубленных рабов.  
 Идут года. И засыпается  
 землею контур берегов...

Так горец пел.  
Вдруг новой нотой  
его чонгури зазвучал.  
И он запел про время новое,  
про новый, радостный канал.

Вода канала вторит пению,  
сияет лаской и добром –  
и опоясал он Кахетию,  
переливаясь серебром.

И я глядел, как перед нами,  
нетерпелива, молода,  
серебряными табунами  
бежала буйная вода.

Своим победоносным гомоном  
топила прошлое она.  
В ней шлемом,  
ржавым и разломанным,  
лежала  
желтая луна.

## **МУЗЫКА** **(Из Лии Стура)**

Вижу –  
над площадями,  
запруженными машинами,  
автобусами, трамваями,  
стоит  
виденье  
органа.

Его составляют не трубки –  
а хрупкие горловины,  
вырванные  
из глоток  
живых певцов и поэтов.

Обмакнуто в позолоту



когда-то живое горло.  
Способность себя выразить,  
наверно,  
и есть музыка.

Способность себя выразить,  
наверно,  
и есть знамя.  
Оно струится над горами –  
выдыхнутое  
дыхание.  
Его называют музыка.

Женщины ищут знамя –  
сферические женщины,  
сложенные  
из овалов,  
распятые  
на конечностях.

Мужчины желают знамя –  
кубические мужчины,  
ребро  
расщепившие надвое,  
до боли  
прямоугольные.





## БАЛЛАДА О ПОДВИГЕ ПРОФЕССОРА ЖОРДАНИЯ (Из Шота Нишнианидзе)

I

«Боинг» средь океана  
тонет, как мерный кит.  
Народ в пылающем «Боинге»  
давится и вопит.  
Натягивают пассажиры  
спасательные жилеты.  
И только жилета нету  
для девочки безбилетной.  
Звереют у люка люди.  
Ни в ком состраданья нет.  
Но кто-то с себя снимает  
и ей отдает жилет.  
Девочка, кругом звери!  
Но он из других натур –  
вздыхнул на прощанье поглубже  
и сам ей жилет надул.  
Потом подмигнул стюардессе:  
«Не надо меня жалеть.  
У каждого свои вкусы.  
Я не ношу жилет».  
«Держись!» – приказал он девочке  
и вытолкнул ее в люк.  
И кинул ей вслед последний,  
как нимб, спасательный круг.

II

Мингрельская колыбельная  
и сказка его взрастила,  
его воспитали заветы  
Цотне и Автандила,  
его воспитали песни,  
где слезы быка мы встретим,  
участье к любой пичуге,  
но главное – нежность к детям.  
Под дудочку без оглядки  
танцуют в полях несжатых  
грузинские ангелята,  
грузинские медвежата.

III

Вы – дочь народа великого,  
что с вами сегодня стало?  
Наверно, вы, утомившись,  
склонились на руль «Мустанга... »

Вы – дочь народа великого,  
но знаете ль, грустнотлица,  
есть крохотная Колхида,  
обитель великих рыцарей?

Вы выросли, стали матерью,  
вас манит жизнь впереди,  
спасенная воздухом, выдохнутым  
из грузинской груди.

Паря на бесшумных шинах,  
вы счастливы, очень счастливы,  
но спасшего вас мужчину  
вы вспоминаете часто ли?..

Он каждую ночь вам снится,  
он вас беспокоит, ибо  
спасательный круг струится  
над ним милосердным нимбом.

Когда-нибудь приезжайте  
в наши пенаты, дочка.  
Здесь люди гостеприимны.  
Как он, такие же точно...

Любимая моя Грузия  
жертвенная страна!  
В море, как круг спасательный,  
покачивается луна.

**ГРИГОРИЙ РАСПУТИН**  
(Из Шота Нишнианидзе)

Для любовниц – Гришенька,  
для народа – Гришка,  
перебрал ты лишнего,  
скоро тебе крышка.

Жизнь свою в камине  
сожги, как поленья,  
посади Империю себе на колени!

На плече, как сокол, сидит цареныш.  
Взвил судьбу высоко,  
гляди – уронишь.

Берегись, Григорий,  
Григорий Ефимыч,  
шел ты в дом игорный,  
где выигрыш – финиш.

Девка подозрительная  
под тобой лопочет.  
Или дэвы мстительно  
над тобой хохочут?

Кто ты? Жизни тризна?  
Забава ль туристам?  
Иль тоска мужицкого авантюриста?

Что за ужас прячется  
под пьяной зевотой?  
Почему ты мучаешь меня сегодня?

Спит страна великая,  
щедрая и нищая,  
голову собора уронив на нивы.

Пробудись, любимая,  
смахни супостатов.  
В небесах проносится  
планета хвостатая.



Отражаясь в реках  
и в юбках с люрексом,  
мчит планета красная.  
Скоро революция.

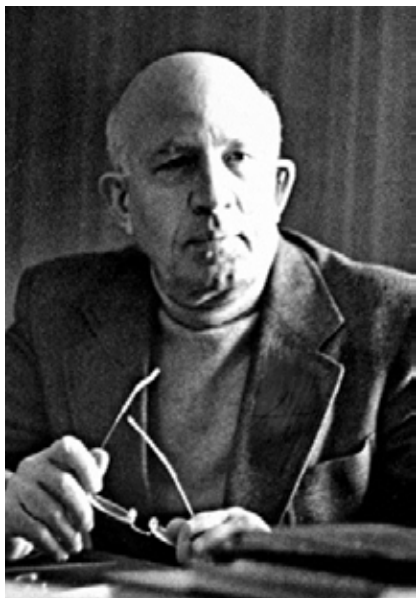
**СВЕТ ТВОЙ**  
(Из Григола Абашидзе)

Если б тебя не было  
рядом с моей судьбою –  
то для какого неба  
я б возводил соборы?

Дети умчались радостно.  
Вот мы одни с тобою,  
как две половинки раковины,  
выброшенные прибором.

Годы идут. Все пристальней  
вижу с тоскою острой –  
ты – моя божья пристань,  
мой единственный остров.

Вера моя алмазная!  
Даже уйдя в могилу,  
ставши душой и разумом,  
буду тебе молиться.



Я потому пугаюсь  
той, неземной субстанции, –  
вдруг там твой свет погаснет?  
Вдруг мы с тобой расстанемся?

**СТИХОТВОРЕНИЕ,  
ВРАЩАЮЩЕЕ ВАЛ  
(Из Григола Абашидзе)**

Неужто колесо цивилиза-  
ции земной завертится обратно?  
Акрополь рухнет? И нахлынет брато-  
убийственная божия гроза?

Неужто сумасшедшие гала-  
ктики сорвут свои орбиты?  
Народы сгинут? Снова необита-  
ема планета станет и гола?

Но где же притаится бог бессмерт-  
ной Жизни? Ей немислимы потери.

А без нее пустынная матери-  
я станет, словно сброшенный  
бешмет.

Я верю, умирающая ци-  
вилизация сменится иною.  
Жизнь вспыхнет обновленно,  
как при Ное-  
вом половодье. Мы – ее жрецы.

И толпы непонятных лилипу-  
тов или великаны в форме капель  
заселят мир. Но некоммуникабель-  
ность мне не даст постигнуть  
их толпу.

Как мне представить эту цивили-  
зацию? Как туда проникнуть  
зайцем –  
в сигнализирующую нам цивилизаци-  
ю, словно феникс будущей Земли?

Не утверждайте, что придет Конец.  
Присутствием мы вечно при Начале.  
Чье сердце разорвется от печали,  
когда не будет на земле сердец?

## ДВА ДОМА (Из Григола Абашидзе)

Живу, принадлежа воспоминаньям.  
Когда взгрустнется –

есть душе приют.

Как если мы квартиру поменяем,  
и в ней воспоминания живут.

Который год живу я на два дома.  
В одном живу. Другой живет во мне.  
Мчит память прицепившимся  
вагоном.

И это еще горестней вдвойне

Окошки заколочены крест-накрест.  
Над окнами пристанище стрижу.  
Два дома есть.

Двойная жизнь и адрес.

Я оба эти дома сторожу.

## ДО РАЗЛУКИ (Из Отара Чиладзе)

Крадется черной кошкой коридор.  
Зима в ошеломлении обряда  
отходит прочь от окон. Мне отвратна  
зима с ее волшебной чередой  
метаморфоз.

Тошнит от ворожбы  
надежды белой или белой боли.  
Воспоминаний трезвые шипы  
ворованное небо прокололи.

Блестит сосулька, словно зуб зимы.  
Пар, выдыхнут губами и трубою,  
висит, как призрак,  
завшийся любовью,  
которую с тобой убили мы.



Авось, все обойдется.

Руку дай –

горячую, твою, обыкновенную,  
в просвечивающих детских венах,  
дай сердце мне –

горячее, неверное,

обыкновенное, как божий дар.

Бог даст, все перемелется.

Забудь.

Пусть мир уйдет в неведенье

и темень,

склонивши наши головы на грудь.

Хоть мы его с тобой не переменим,

авось, все обойдется как-нибудь.

## СОДЕРЖАНИЕ

«СЛУЖИ МОЛЕБЕН, САКАРТВЕЛО...» .....	5
«ВО МНЕ ТЕЧЕТ ГРУЗИНСКАЯ КРОВЬ...» .....	9
«Я – ПАМЯТНИК ОТЦУ» .....	13
ПОДАРОК ПАСТЕРНАКА .....	15
«ВТОРАЯ ОТЧИЗНА» .....	26
ПО МАРШРУТУ МОСКВА – ТБИЛИСИ .....	40
ЭХО ПИРОСМАНИ .....	44
ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ .....	48
ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ .....	49
ИЗБРАННЫЕ ПЕРЕВОДЫ .....	68



რუსულ-ქართული კულტურული ურთიერთობები ქვეშარიტად ისტორიული მოვლენაა, რომელსაც ანალოგი არ აქვს.

რუსეთსა და საქართველოს ურთიერთობები სათავეს მათე საუკუნეში იღებს – უძველეს ქრონიკებში ნახსენებია საქართველო და თბილისი. 1491 წელს დამყარდა დიპლომატიური ურთიერთობები. პეტრე პირველის დროს მდინარე პრესნიაზე საფუძველი ჩაეყარა ქართულ დასახლებას (თავდაპირველად – „გრუზინი“, ახლა – ბოლშაია გრუზინსკაია). XVIII საუკუნის ბოლოდან, გეორგიევსკის ტრაქტატის დადების შემდეგ, 1783 წელს ორ ქვეყანას შორის განსაკუთრებით მჭიდრო და ინტენსიური ურთიერთობები დამყარდა.

საქართველო პასუხობდა მფარველობას დახმარებითა და მხარდაჭერით – მათ შორის კულტურული და სულიერით. ბევრმა რუსეთში დევნილმა დიდმა რუსმა საქართველოში თავშესაფარი მიიღო. ისინი აქ ყოველთვის პოულობდნენ თავისუფლებას, სამსახურს და თავყვანისცემას.

სერია „რუსები საქართველოში“ – რუსული ხელოვნების, რელიგიის, მეცნიერების, ლიტერატურის, სპორტის მოღვაწეების საქართველოში ყოფნის მდიდარი ისტორიის სისტემატური გაშუქების პირველი მცდელობაა, იმ გამოჩენილი ადამიანების, რომლებიც იმსახურებენ მაღლიერ ხსოვნას შთამომავლობისაგან.

სერია რუსეთ-საქართველოს ურთიერთობების ნამდვილი ენციკლოპედია იქნება.

პროექტის მიზანია ხელი შეუწყოს რუსეთის კულტურული მემკვიდრეობის პოპულარიზაციას, ააღორძინოს ინტერესი რუსეთის მიმართ საქართველოში და პირიქით, საზოგადოებრივი და კულტურული დიალოგის გაღრმავებას ორი მართლმადიდებელი მეზობელ ერს შორის.



Russian-Georgian cultural relations are truly a historical phenomenon that has no analogues.

Russia and Georgia are bound by eleven centuries of mutual intercourse. Starting of those relations dates back to the X century – Georgia and Tbilisi are mentioned in the ancient chronicles. In 1491 diplomatic relations were established. During Peter the Great's reign on the banks of the river Presnia was built Georgian settlement (colloquially – "Georgians", now – Bolshaya Gruzinskaya (Great Georgian). And at the end of the XVIII century, after signing of Georgievski Treaty in 1783, the relationship between two countries became particularly close and intense.

Georgia answered with help and support on this patronage. Many great Russians found shelter here – disgraced and persecuted in Russia, in Georgia they always found freedom, work and reverence.

A series "Russians in Georgia" is the first attempt of systematic coverage of the rich history of staying in Georgia outstanding Russian artists, religious leaders, scientists, writers, sportsman worthy grateful memory of descendants.

The series will be a real encyclopedia of Russian-Georgian relations.

The project aims promoting the Russian cultural heritage, the revival of interest to Russia in Georgia and to Georgia in Russia, intensifying social dialogue and cultural exchange of the two Orthodox neighbor nations.

Издатель –  
Международный культурно-просветительский Союз  
**«Русский клуб»**

Руководитель проекта –  
**НИКОЛАЙ СВЕТИЦКИЙ**  
заслуженный деятель искусств РФ,  
заслуженный артист РФ

НИНА ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ  
**«ЛЮБИМАЯ МОЯ ГРУЗИЯ...»**  
АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ

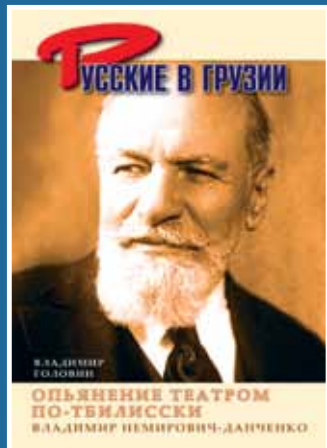
Редактор  
АЛЕКСАНДР СВАТИКОВ  
Дизайн, компьютерное обеспечение  
ДАВИД ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Над книгой работали  
МАРИНА МАМАЦАШВИЛИ  
ЕЛЕНА ГАЛАШЕВСКАЯ

Использованы фотографии из личных архивов Мэри Хетагури,  
Реваза Амашукели, семьи Михаила Квирикашвили,  
а также из открытого доступа в интернете

На обложке: Андрей Вознесенский на выступлении в Тбилиси.  
Фото Михаила Квирикашвили. Предоставлены издательством «Либрика».  
Публикуются впервые

# ИЗДАНИЯ «РУССКОГО КЛУБА»





**Шадури-Зардалишвили Нина** – филолог, литературовед, журналист. Заведующая литературной частью Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова. Член редколлегии журнала «Русский клуб». Член Союза писателей Грузии. Лауреат Национальной премии «Золотое перо Руси» за книгу «Высоцкий в Грузии» (издательство «Либрика», Россия). Автор статей по теории литературы. Участник ряда международных конференций по вопросам русской филологии. Автор, соавтор, составитель,

редактор более 20-ти художественных, научных, публицистических и популярных изданий.

**Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб»** (МКПС) – грузинская общественная неправительственная организация. Зарегистрирована в 2003 году. Входит в Международный союз российских соотечественников (МСРС). Президент Союза – Николай Свентицкий, директор Тбилисского государственного академического русского драматического театра им. А.С. Грибоедова, заслуженный деятель искусств РФ, кавалер Ордена Дружбы. На сегодняшний день членами Союза являются более пяти тысяч людей из разных стран мира – как частные персоны, так и целые организации. Главная задача «Русского клуба» – всестороннее развитие и укрепление культурных связей между Грузией и Россией как двумя независимыми государствами на основе сотрудничества, дружбы и взаимопонимания. Деятельность союза охватывает самые разные сферы жизни – литературу и искусство, образование и науку, спорт и туризм. С момента основания Союз организовал и реализовал более 350 разнообразных проектов, самый масштабный из которых – ежегодный Международный русско-грузинский поэтический фестиваль (2007-2014); за семь лет участниками фестиваля были ведущие поэты Грузии и более пятисот литераторов из почти пятидесяти стран мира. Союз является издателем общественно-художественного журнала «Русский клуб», серий «Литературное приложение» к журналу, «Библиотека «Русского клуба», «Детская книга».

